

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ: ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Нелегко представить, что с момента публикации «Прощального взлета» прошло уже 12 лет. Еще труднее осмыслить все те перемены, которые произошли за истекшее время с российскими немцами, нашим национальным движением и его активистами, включая автора этой книги.

Впрочем, главное осталось неизменным: наш народ так и не дождался полноценной реабилитации даже в России, не говоря уже о других странах СНГ. Давно убедившись, что государство, на весь мир провозгласившее себя правопреемником СССР, отнюдь не намерено устранять последствия преступной депортации российских немцев и противоправного уничтожения их автономной республики сталинским режимом, наши соплеменники по-прежнему вынуждены решать свои национальные проблемы на собственный страх и риск.

Большинство, как известно, предпочло выехать в Германию. Однако историческая родина приоткрыла свои двери далеко не для всех российских немцев и членов их семей. А в последние годы на шумевший лозунг германских властей „Das Tor bleibt offen!“ («Ворота останутся открытыми!») был фактически выброшен на свалку, и прием наших переселенцев скатился почти до нуля, хотя только в России еще остается около 600 тысяч немцев.

Поначалу многие из тех, кто по тем или иным причинам не рассчитывал на выезд, пытались найти себе более подходящее место проживания в пределах СНГ. Это выразилось, прежде всего, в массовой миграции из Казахстана и Средней Азии в Россию. Но этот процесс стал быстро затухать: в России, родине их предков, таких людей никто не ждал, не считая разве что ближайших родственников.

Сейчас гораздо заметней другое явление – немцы России все чаще переселяются из ссыльных мест на востоке страны, в наши дни – по большей части депрессивных, в европейские районы, откуда были изгнаны их предки.

Национального движения российских немцев в том виде, как оно еще существовало 12 лет назад, сегодня больше нет. Не касаясь Казахстана, Кыргызстана или Украины, где я в последнее десятилетие ни разу не бывал, упомяну в этой связи только о своей российской родине.

Единственный съезд немцев России состоялся в Москве более 16 лет назад, в далеком теперь уже 93-м. Совет немцев России – представительный орган, избранный этим съездом, – фактически прекратил свою деятельность 5 лет спустя, в 98-м. Тогда же пришлось свернуть работу правления российского общества «Возрождение» («Видергебурт»). Основная причина, на которой я еще остановлюсь, предельно проста: отсутствие средств хотя бы для того, чтобы периодически собирать наших активистов из многочисленных регионов их проживания, далеко разбросанных по громадной стране.

В первые годы после этих прискорбных перемен меня нередко приглашали в Москве на разного рода конференции, совещания, заседания, собрания и т.п., одним из неизменных пунктов повестки дня которых была, выражаясь словами романа о бравом солдате Швейке, «торжественная порка». Попросту говоря, новоявленные претенденты в национальные лидеры, чьих имен я здесь называть не хочу, читали мне и моим товарищам по движению российских немцев длинные нотации об ошибках «Возрождения» и о том, как нам надо было действовать.

Я, как правило, не реагировал на подобные разглагольствования и только вспоминал при этом известную песню Александра Галича «То-то радость пустомелям»:

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Меня не надо было уговаривать не бояться всего перечисленного, и посещал я эти мероприятия, конечно же, не с перепуга. Просто мне было любопытно узнать, что же последует за всеми этими увесистыми словесами. Не последовало, естественно, ровным счетом ничего примечательного. Учить других эффективной общественно-политической деятельности оказалось несравненно проще, чем что-то сделать в этой области самим.

Через несколько месяцев после издания «Прощального взлета», в декабре 1997 г., в Москве появилась Федеральная национально-культурная автономия немцев России (ФНКА) во главе с В. Бауэром, хорошо известным читателям моей книги. Я с самого начала считал, что соответствующий закон, с большой помпой изданный годом раньше, практически ничего не дает российским немцам, а потому не принял участия ни в создании ФНКА, ни в ее последующей деятельности.

Президент ФНКА и его окружение тоже попытались, образно говоря, поднять знамя, выпавшее из рук «Возрождения», и занялись не проблемами национальной культуры, вытекавшими из названия их организации, а в первую очередь лоббированием давно обещанного Закона о реабилитации российских немцев.

Хотя В. Бауэр поначалу совмещал эти акции с высоким постом замминистра по делам национальностей России, ему очень быстро напомнили сверху, что закон о НКА ничего подобного не предусматривает. К тому же сами законопроекты по реабилитации, выдвигаемые от имени ФНКА, были настолько невразумительны и беспомощны, что рассчитывать всерьез на их обсуждение, а, тем более, принятие вообще не приходилось.

Я пишу обо всем этом вовсе не в упрек нашим преемникам. На мой взгляд, их деятельность лишней раз опровергла распространенный миф о том, что главной проблемой современного национального движения российских немцев является несостоятельность его лидеров. В «Прощальном взлете», напомню, отмечается, что эту иллюзию разделял даже академик Б.В. Раушенбах.

В действительности, разумеется, все было гораздо сложнее. Многие мои соратники, как и я, хорошо понимали, что наше национальное движение – это далеко не в последнюю очередь продукт той уникальной общественно-политической ситуации, которая сложилась на территории СССР в конце 80-х – начале 90-х годов.

Поэтому резкое изменение данной ситуации, вызванное развалом СССР и дальнейшими разрушительными процессами, в сущности, предопределило последующий спад национального движения российских немцев. Мы, его лидеры, могли, в лучшем случае, противодействовать этим деструктивным тенденциям, но переломить их были, конечно же, не в состоянии.

Сознавая это, я все более тяготился своими общественно-политическими постами. У меня, как отмечено в книге, никогда не было стремления к активной политической деятельности. Я втянулся в нее, когда надеялся, что смогу быть в какой-то мере полезен своему народу на данном поприще, и, естественно, стал дистанцироваться от «высокой политики», как только эти мои надежды угасли.

В силу некоторых обстоятельств, о которых речь ниже, мой уход с общественно-политической арены непомерно затянулся, но, в конце концов, все же состоялся. В 1999 г., когда продолжение работы центральных структур «Возрождения» стало, как упомянуто, невозможным, я перешел на штатную работу в Общественную академию наук российских немцев.

Не скрою, эта деятельность в гораздо большей степени соответствовала моим наклонностям и интересам. Почти десятилетний период активной работы в Академии я считаю одним из самых плодотворных в своей жизни. Не хочу отвлекаться от темы и вдаваться в детали – желающие могут без труда узнать о них на моей авторской странице, где выставлен и «Прощальный взлет».

К сожалению, со временем у Академии становилось все меньше финансовых возможностей для продолжения ее научно-издательской деятельности. В итоге моей жене

Наталье Варденбург, ученому секретарю Академии, и мне пришлось в октябре 2007 г. оставить эту работу и принять нелегкое решение о выезде в Германию.

Прошедшие 12 лет запомнились мне и многими личными утратами – уходом из жизни людей, не раз упомянутых в моей книге.

В 1998 г. ушел от нас навсегда Герхард Вольтер, мой старший друг и соратник, автор знаменитой «Зоны полного покоя». На мой взгляд, величие этой книги, как и личности ее автора, становится для российских немцев с каждым годом все яснее. Мне и моему товарищу по «Возрождению» Вильгельму Либерту довелось встретить вместе с Вольтером его последний Новый год. Тогда Герхард специально приезжал в Москву из Германии для завершения подготовки второго издания «Зоны». Потеря этого человека не восполнима для меня ничем. Несколько утешает только то, что мы с ним, благодаря содействию Общественной академии наук российских немцев, все-таки еще успели издать при его жизни эту книгу, о выходе которой он так мечтал.

За минувшие годы ушли и некоторые другие мои товарищи по «Возрождению» – Кондрат Гартман, Элеонора Гердт, Артур Карл, Юлий Трепнау, Артур Фогель, Константин Эмих.

В 1999 г. скончался наш далекий предшественник по национальному движению, участник делегаций 1965 года Отто Гертель.

В 2001 г. не стало председателя Оргкомитета I съезда немцев СССР, академика Бориса Раушенбаха. При всей сложности наших взаимоотношений в национальном движении российских немцев я считал и считаю Раушенбаха очень яркой личностью, всю значимость которой еще предстоит осознать. Хочу отметить, что этому немало способствовал многолетний коллега Раушенбаха по созданию космической техники, академик Б.Е. Черток, автор обширных воспоминаний «Ракеты и люди». Лишь после прочтения этих книг я стал понимать, какую незаменимую роль сыграл Раушенбах в главном деле своей жизни. Рад, что свою скромную лепту в освещение жизненного пути Раушенбаха внесли и мы с моим другом по «Возрождению» Эдуардом Бернгардтом, автором книги о нем, которую мне довелось редактировать. А совсем недавно у меня появилась возможность прояснить поволжско-немецкую родословную Раушенбаха. Результаты этого небольшого исследования приведены на моей авторской странице.

Нет больше в живых и бывших оппонентов «Возрождения», Владимира Бауэра и Александра Крайцера.

Окончательно завершая работу над своей книгой, я еще раз мысленно прощаюсь со всеми ее ушедшими персонажами.

Напомню, что я оборвал «Прощальный взлет» накануне нашего первого общенационального форума, который мы назвали Чрезвычайным съездом немцев СССР и провели в Москве 12-15 марта 1991 г. Он начался с того, что Генрих Гроут пригласил меня, своего заместителя по созданному нами оргкомитету, подняться вместе с ним на сцену ДК завода имени Владимира Ильича, чтобы сообща открыть съезд.

Не скрою, этот момент стал, пожалуй, самым памятным в моей жизни. Впрочем, только ли в моей? Как бы ни относиться к этому беспрецедентному форуму, по прошествии лет трудно не признать, что именно он явился кульминационным пунктом современного национального движения российских немцев. Дабы убедиться в этом, по моему, достаточно прочесть книгу документов и материалов съезда, изданную мной в 1997 г., чуть раньше «Прощального взлета».

12 лет назад я объявил читателям о намерении написать вторую книгу «Прощального взлета». С тех пор меня много раз спрашивали, когда же она появится. Сегодня я вынужден констатировать, что даже не начинал ее и теперь уже едва ли начну. В период упомянутой деятельности в Общественной академии наук российских немцев у меня попросту не было для этого времени. После переезда в Германию необходимый досуг, казалось бы, появился, но тут я окончательно понял, что не в состоянии взяться за эту работу.

Признаться, первая книга «Прощального взлета» потребовала от меня громадных усилий, хотя по ее тексту, как говорили мне некоторые читатели, этого и не скажешь. Пришлось не только перелопатить гору литературы и информационных материалов, но и – что оказалось гораздо тяжелее – как бы заново пережить описанные мной драматичные и трагичные события истории российских немцев.

Но тогда, по крайней мере, от основных сюжетов книги меня отделяли не более 5-7 лет, они еще были совсем свежи в моей памяти. Сейчас это, естественно, далеко не так, и живого взгляда на излагаемые события «изнутри», который мне и хотелось представить в своих записках, я уже предложить читателю не могу.

А для серьезного анализа нашего национального движения с дистанции лет, по моему, еще не настало время. Да и не мое это дело – я ведь в любой случае не смогу здесь выступить в роли беспристрастного аналитика.

Откровенно говоря, я бы, скорее всего, вообще не взялся за свои записки, если бы заранее предполагал, что они отнимут у меня целых 4 года (между прочим, так долго я не работал ни над одной из своих книг, хотя некоторые из них по объему гораздо больше). Но этого я в то время знать не мог – уже потому, что «Прощальный взлет» был моей самой первой книгой.

Странно, но факт: я еще помню, что начал писать ее 31 января 1993 г. То, что я принялся за книгу именно тогда, было далеко не случайностью. Дело, прежде всего, в том, что я с весны 1992 г., т.е. через год после начала своей штатной работы в «Возрождении», стал все чаще подумывать об уходе оттуда. Больше всего меня удерживало опасение, что информация о таком важном, на мой взгляд, явлении в истории российских немцев, как наше национальное движение, будет с годами безвозвратно утрачена. Иначе говоря, во мне, в тот момент – «действующем политике», неожиданно пробудился историограф, каковым я и стал впоследствии.

Эти замыслы возникли у меня давно, но пока штаб-квартира «Возрождения» находилась на Шелепихе и в Лианозово, где нам, ее сотрудникам, приходилось, образно говоря, сидеть на головах друг у друга, ни о какой работе над книгой нечего было и мечтать. Но я взялся за нее почти сразу же после того, как мы в конце 1992 г. переехали в подмосковное Валуево и у меня, наконец, появилась отдельная комната.

Аналогичными соображениями я руководствовался и в 2000 г., выпустив свою вторую авторскую книгу о нашем национальном движении – «Десять лет в "Возрождении"».

После этого некоторые наши противники пытались язвить: мол, лидеры «Возрождения» стали уподобляться генсекам КПСС, столь охотно издававшим свои избранные труды. Если моим критикам не давали покоя «писательские» лавры Брежнева с компанией, то это, как говорится, их проблемы. Мною двигало совсем другое – стремление уберечь от забвения значимую частицу нашей истории.

В моем докладе «О национальном движении российских немцев в 1989-1993 гг.», с которым я выступил на конференциях в подмосковной Мамонтовке (ноябрь 2002 г.) и в Берлине (март 2009 г.) и который прилагается к данной работе, выделены 3 основных этапа нашего движения в указанный период: а) подъем (март 1989 г. – март 1991 г.), б) стагнация (март – декабрь 1991 г.), в) спад (1992-1993 гг.).

Нетрудно заметить, что «Прощальный взлет» точно укладывается по времени в первый, самый важный из этих этапов. «Десять лет в "Возрождении"» охватывают все 3 этапа и идут дальше, до 1999 г., когда я отошел от общественно-политической деятельности.

Это не значит, что «Десять лет в "Возрождении"» можно в каком-то смысле считать аналогом того продолжения «Прощального взлета», которого я так и не написал. Жанр второй книги принципиально иной – это сборник моих основных работ по нашей национальной проблематике за 1989-99 гг., т.е. в мою бытность активистом «Возрождения».

Из этой книги можно получить представление о том, чем мы занимались в нашем Обществе день ото дня. Однако в ней по понятным причинам не выделены ни узловые моменты деятельности «Возрождения», ни основные внешние события, их обусловившие. С годами мне все больше хотелось это сделать, и именно такую попытку я представляю читателям в данной работе.

Когда я стал обдумывать возможные формы изложения такого рода анализа, то в первую очередь вспомнил, естественно, известные «узлы» из «Красного колеса» А.И. Солженицына. Однако подобная форма не показалась мне подходящей – не в последнюю очередь потому, что я считаю эту необъятную эпопею далеко не самой большой творческой удачей маститого писателя. И тут мне внезапно пришла в голову совсем иная аналогия – знаменитые в свое время «десять сталинских ударов».

Для людей младших поколений, едва ли слышавших о них, поясню: так советская пропаганда когда-то называла основные удары Красной Армии по врагу в победоносном 44-м году.

Ни о чем подобном я, разумеется, писать не собираюсь. Речь будет идти о другом: с весны 1991 г. произошел целый ряд событий, совершенно разных по характеру и значимости, но в равной мере означавших тяжелые удары и по российским немцам в целом, и по нашему национальному движению. Как ни удивительно, я насчитал таких событий ровно 10 – видимо, потому, что аналогия со «сталинскими ударами» уже закрепилась в моем подсознании. Я расскажу об этих ударах 90-х годов в хронологическом порядке.

А до этого еще отмечу, что внес необходимые коррективы в текст самого «Прощального взлета». Они не очень значительны и относятся только к тем историческим событиям и персонажам, о которых я сегодня имею больше информации, чем 12 лет назад. Текст, касающийся самого национального движения российских немцев, остался неизменным, если не считать небольшой редакторской правки.

Удар первый. Политиканские игрища вокруг Закона о реабилитации репрессированных народов

Проект Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» я увидел в марте 1991 г., едва успев перейти на работу в московскую штаб-квартиру «Возрождения». Документ поступил к нам из ... КП РСФСР, предшественницы КПРФ. Как оказалось, в ЦК новоиспеченной российской компартии загодя организовали обсуждение законопроекта, пригласив на это мероприятие представителей репрессированных народов, включая и российских немцев.

Вся эта история вызвала у меня немалое изумление. Удивил сам проект, оказавшийся неожиданно радикальным. Но еще большим сюрпризом явилось внимание к нему со стороны КП РСФСР. Эту ультра-коммунистическую организацию, созданную менее года назад, я в то время еще не воспринимал всерьез. А ее лидер И. Полозков, то и дело мелькавший на телеэкранах, казался мне откровенно пародийной фигурой.

Это впечатление подтвердилось, когда летом 1991 г. я увидел его воочию в российском Белом доме, где в то время нередко бывал. Зашел пообедать в депутатскую столовую – и вдруг встречаю Полозкова, зачем-то отрастившего густые черные усы и ставшего в результате уморительно похожим на контрабандиста Лелика из «Бриллиантовой руки». Каюсь, мне сильно захотелось подойти к вождю российских коммунистов и поприветствовать его на манер Семена Семеныча, другого персонажа фильма: «У Вас ус отклеился!»

Как ни странно, Верховный Совет РСФСР, выглядевший на фоне российской компартии светочем демократии, никаких публичных обсуждений законопроекта о реабилитации репрессированных народов не организовывал. Правда, там вскоре вспомнили о существовании российских немцев, однако по несколько иному поводу.

Я уже писал, что в итоге первых свободных выборов в российский парламент весной 1990 г., в которых довелось участвовать и мне, одним из депутатов стал поволжский немец Александр Бир, в то время – рабочий лидер из Новокузнецка. Не могу не воздать ему должного: среди тогдашних российских и союзных депутатов только он открыто поддержал решения Чрезвычайного съезда немцев СССР и, более того, стал решительно добиваться их реализации российскими властями. А возможности для этого у него были немалые: он являлся в Верховном Совете России секретарем ключевого Комитета по законодательству.

Усилиями А. Бира и при нашем содействии был подготовлен проект Постановления «О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР», принятый 22 апреля 1991 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР. На это заседание Президиума были приглашены некоторые активисты нашего национального движения, включая и меня. Заседание вел Р.И. Хасбулатов, первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР.

Постановление было не менее радикальным, чем упомянутый законопроект о реабилитации. Оно предусматривало создание Комиссии Президиума ВС РСФСР по проблемам советских немцев во главе с А. Биром. Не считая Бира, в комиссию вошли 14 человек – по 7 народных депутатов РСФСР и членов Временного Совета по восстановлению АССР Немцев Поволжья, избранного нашим съездом (в приложении к Постановлению этот орган был назван «Советом советских немцев»). Членом комиссии стал и я.

Комиссии было поручено разработать и представить до 20 мая 1991 г. на рассмотрение ВС РСФСР «концепцию социально-экономической и политической программы по восстановлению государственности советских немцев на территории РСФСР». Такой документ мы представили в намеченный срок (более поздний вариант концепции опубликован в моей книге «Десять лет в "Возрождении"»), однако на этом все и заглохло. Никакой реакции российского парламента на наши предложения мы так и не дождались.

На заседании 22 апреля я неожиданно для себя заметил неподдельную заинтересованность Р. Хасбулатова в принятии конструктивных решений по нашей непростой проблеме. Как выяснилось позже, он разделял эту позицию с влиятельными представителями репрессированных народов Северного Кавказа. Других убежденных сторонников Постановления, не считая нас, на заседании не нашлось.

Зато туда проник без приглашения один из самых ярых наших оппонентов, народный депутат СССР П. Фальк, известный читателям «Прощального взлета». Он начал, было, плести околесицу в своем привычном стиле: мол, никакого съезда не было, а члены Совета, перечисленные в приложении к Постановлению, – обыкновенные самозванцы и т.п., но Хасбулатов быстро пресек этот словесный поток.

Еще одним присутствующим, настроенным к Постановлению сугубо негативно, оказался не кто иной, как известный правозащитник С.А. Ковалев, в то время – председатель Комитета по правам человека ВС РСФСР. Суть его выступления свелась к тому, что никакой проблемы реабилитации российских немцев вообще не существует.

Тут мы, пожалуй, впервые обнаружили, насколько избирательно относятся к национальной проблематике некоторые наши хваленые правозащитники. Скажем, Ковалев фактически считал единственной значимой национальной проблемой в стране чеченскую. В начале 1992 г. мы убедились в столь же избирательном подходе со стороны Г.В. Старовойтовой, о выступлении которой на одном из наших форумов я упоминал в «Прощальном взлете».

Через 4 дня после нашего заседания, 26 апреля 1991 г., в том же Белом доме был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Это событие вызвало заметный прилив оптимизма не у меня одного. В самом деле, российское государство (которое, правда, существовало в рамках СССР главным образом виртуально)

добровольно приняло на себя в отношении многих народов, репрессированных сталинским режимом, невиданные доселе обязательства.

Внушительен уже сам их перечень: территориальная реабилитация (восстановление национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения), политическая реабилитация (восстановление незаконно упраздненных национально-государственных образований), возмещение ущерба репрессированным народам и их представителям, социальная реабилитация, культурная реабилитация.

Конечно, я и мои товарищи были не столь наивны, чтобы безоговорочно доверять обещаниям властей, даже свободно избранных и «демократических». Но в данной ситуации не было оснований и для полного недоверия к ним. Мы резонно напоминали самим себе: ведь для чего-то же российские власти решились принять этот Закон...

Следует отметить, что он не был законом прямого действия: особенности его применения к конкретным народам должны были регулироваться «отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу». Иначе говоря, данный Закон устанавливал только общие правовые рамки, необходимые, например, для разработки законодательного акта о реабилитации российских немцев. Однако в нашем случае уже существовала комиссия Президиума ВС РСФСР, которая и должна была заняться этой работой.

Так полагали мы, но отнюдь не носители высшей власти в тогдашней России. Наша комиссия не просуществовала и полутора месяцев. 3 июня 1991 г. тот же Президиум ВС РСФСР принял Постановление «О комиссиях для подготовки предложений по реализации Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" в республиках и областях РСФСР», по которому вместо нее создавалась Комиссия Совета Министров РСФСР «для рассмотрения вопросов и подготовки предложений» по реабилитации немцев Поволжья.

Эта акция не могла не вызвать серьезной настороженности. 22 апреля, когда принималось предыдущее Постановление Президиума ВС РСФСР, было хорошо известно о принятии в скором будущем Закона о реабилитации. Для чего же тогда понадобилось спешно создавать нашу комиссию, а затем скоропалительно ее ликвидировать?

Далее, реализация этого Закона, как я уже отмечал, требовала разработки отдельного законодательного акта о реабилитации российских немцев. Данной работой должен был заниматься в первую очередь ВС РСФСР, и с этой точки зрения создание нашей парламентской комиссии выглядело вполне резонно. А теперь ее заменила правительственная комиссия, хотя законотворческая деятельность вовсе не относится к компетенции исполнительной власти.

Правда, Постановление ВС РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов"», принятое одновременно с самим Законом, содержало, в частности, такой весьма обнадеживающий пункт: Совмину РСФСР поручалось «организовать до конца 1991 года практическое восстановление законных прав каждого репрессированного народа и принятие соответствующих актов». Тем самым выполнение Закона о реабилитации ставилось в достаточно жесткие временные рамки. Теперь все зависело от того, как российское правительство справится с этим поручением.

Основная роль должна была принадлежать при этом, конечно, Госкомнацу РСФСР, созданному в 1990 г. Поначалу мы практически ничего не знали ни об этом свежее испеченном органе, ни о деловых и прочих качествах его руководителей. «Деятельность» вновь созданной правительственной комиссии выявила эти сведения во всей их неприглядности.

Новую комиссию возглавил сам председатель Госкомнаца, ныне уже покойный Л.П. Прокопьев. Его заместителями стали А. Бир, а также председатели Саратовского и Волгоградского облисполкомов (территория АССР Немцев Поволжья входит, как известно, именно в состав этих областей). Помимо А. Бира, в новую комиссию вошли всего два члена предыдущей – мой товарищ по национальному движению, полковник

Владимир Дайнес (ныне – известный военный историк) и я. Зато нам в «подмогу» выделили наших непримиримых оппонентов, В. Бауэра и Г. Вормсбехера, и их, как оказалось, единомышленника В.Е. Серякова, первого заместителя Прокопьева по Госкомнацу.

В таком составе, не считая поволжских «губернаторов», мы обычно и собирались. Впрочем, «обычно» – это слишком сильно сказано. Наша комиссия провела в июне – июле 1991 г. всего несколько заседаний и после этого «навсегда почил».

До назначения на руководящие посты в Госкомнаце Прокопьев и Серяков возглавляли правительства соответственно в Чувашии и Туве. Не знаю, как они проявили себя в данном качестве, но о проблемах репрессированных народов эти чиновники не имели и не хотели иметь ни малейшего представления.

Взамен они придерживались основополагающих бюрократических постулатов: лучше всего – ничего не делать, за это если и пожурят, то не очень сильно; гораздо опасней – проявлять какую-то активность, тут ведь можно, не ровен час, не угодить высокому начальству.

Единственным результатом жалкой деятельности нашей комиссии стала «концепция решения проблемы советских немцев», представленная нам в июле 1991 г. за подписями Л. Прокопьева, В. Серякова, В. Бауэра и Г. Вормсбехера. Данный «документ» полностью игнорировал только что принятый Закон о реабилитации репрессированных народов, выдвинув вместо этого давно известные и заведомо нереализуемые проекты двух последних авторов.

Мы с товарищами, естественно, не желали иметь ничего общего с этой малограмотной стряпней, а потому подали в комиссию за подписями А. Бира, В. Дайнеса и моей аналитическую записку, не оставлявшую от «концепции» оппонентов камня на камне. Записка опубликована в моей книге «Десять лет в "Возрождении"».

Хотя комиссия на этом, в сущности, прекратила свою деятельность, данная история имела громкое продолжение. На 2-м этапе I съезда немцев СССР, прошедшем в Москве в октябре 1991 г., Л. Прокопьев не постеснялся выйти на трибуну практически с теми же измышлениями, которые были представлены в июльской «записке четырех». Мне не оставалось ничего другого, как снова дать ему отпор, теперь уже – публичный. Этот мой доклад приведен в приложении к книге «Гомо антиполитикус», размещенной на моей авторской странице.

Участие в правительственной комиссии означало для меня первое непосредственное знакомство с функционированием центральных органов власти России. Впечатление от этого осталось, конечно, шоковое. Я вновь и вновь задавал себе вопрос: зачем же было принимать Закон о реабилитации, если российские власти категорически не желают им руководствоваться? Ситуация прояснилась для меня осенью 1991 г., когда я, наведя в очередной раз А. Бира в Белом доме, получил от него официальную стенограмму «исторического» заседания ВС РСФСР, на котором и был принят этот Закон.

Обширная стенограмма повергла меня в полное смятение. Она яснее ясного показала, что российские законодатели во главе с тогдашним председателем ВС РСФСР Б. Ельциным очень торопились принять Закон о реабилитации. Сам Ельцин ссылаясь в данной связи на нетерпение представителей Северного Кавказа, но кто же поверит, чтобы этот, с позволения сказать, государственный деятель мог руководствоваться на своих высоких постах чувствами и настроениями народов или их представителей? Тем более сегодня, когда все мы знаем, что он развязал после этого две кровавые бойни в Чечне.

Совершенно ясно, что лихорадочная спешка Ельцина и его команды в апреле 91-го могла иметь только одно рациональное объяснение: через полтора месяца предстояли первые в России президентские выборы, и властолюбивый кандидат шел на все тяжкие в погоне за голосами избирателей.

При этом и Ельцин, и большинство депутатов ВС РСФСР имели о проблемах репрессированных народов, а, тем более, о путях решения данных проблем самое

туманное представление. Они были озабочены главным образом одним: принять Закон о реабилитации в таком виде, чтобы с властью нельзя было спросить за его выполнение. Потому любые попытки закрепить в Законе какие-то гарантии его реализации встречались «народными избранниками» в штыки.

Я детально проанализировал эту более чем поучительную стенограмму и в ноябре 1991 г. написал на ее основе большую статью «Закон о реабилитации: много шума – и ... ничего». В то время, когда Ельцина еще пытались выдать чуть ли не за национального героя, желающих опубликовать «антиельцинскую» статью, естественно, не нашлось. Лишь в родном Кузбассе мне по старой памяти пошли навстречу, и в феврале 1992 г. сильно сокращенный вариант статьи поместила кемеровская газета «Кузнецкий край». Полный текст напечатан в моей книге «Десять лет в "Возрождении"».

С тех пор прошло много лет, но насквозь конъюнктурный Закон о реабилитации так и не заработал. Давно нет у власти Ельцина, миновали уже и два президентских срока его преемника, «германфила» В. Путина, однако в горестной судьбе российских немцев и других репрессированных народов фактически ничто не изменилось к лучшему.

Отсюда, очевидно, следует, что дело здесь не столько в личностях тех или иных правителей, сколько в неотъемлемых чертах существующей системы власти. Прежде всего – в том, что в России исполнение законов возможно только тогда, когда это выгодно самим власть имущим.

Удар второй. Знакомство с командой Хорста Ваффеншмидта

Обескураженный общением с высшими российскими чиновниками, я с любопытством, но и с естественной настороженностью ожидал встреч с их германскими коллегами. Возможности для сравнения по этой части представились очень скоро. В начале июля 1991 г. Москву посетили Х. Ваффеншмидт, уполномоченный Правительства ФРГ по делам переселенцев, и целая группа его сотрудников по МВД Германии, где он занимал высокий пост парламентского статс-секретаря. На моей памяти это был первый подобный визит.

В то время команда Ваффеншмидта стала все заметней интересоваться не только реальными, но и потенциальными переселенцами из СССР, т.е. российскими немцами, еще оставшимися на его территории. Поэтому вполне естественно, что эта структура вступила в контакты с руководством «Возрождения», нашей единственной массовой организации.

Сразу же отмечу, что германские чиновники отличались от малообразованных, инертных и хамоватых российских коллег в лучшую сторону – они были более компетентны, активны, корректны. Однако узковедомственный стиль мышления, столь типичный для чиновников всех времен и народов, ощущался в них не менее явно.

Наше знакомство с Х. Ваффеншмидтом и его группой состоялось в уютном старом здании посольства ФРГ на Большой Грузинской. Оттуда нас пригласили проследовать на Кутузовский проспект, где на квартире одного из сотрудников посольства был дан ужин по случаю нашей встречи. Ужин показался нам, не избалованным подобными мероприятиями, весьма изысканным и прошел, как принято выражаться, в обстановке полного взаимопонимания.

Однако уже на следующий день, когда мы вновь встретились в посольстве, атмосфера нашего общения заметно изменилась. Как только мы принялись обсуждать конкретные проблемы российских немцев, сразу же выяснилось, что наши взгляды на сей счет далеко не едины.

Так, услышав от нас, что мы мыслим себе восстановление нашего общенационального очага только в Поволжье, где у российских немцев была автономная республика, экспансивный Ваффеншмидт бурно замахал руками. Зачем, мол, цепляться за

давно покинутую Волгу, если сегодня основная масса немцев России живет в Сибири, где создаются прекрасные возможности для национального возрождения?

Такое внимание гостей к фактически неведомой им Сибири было далеко не случайным. Как раз в те дни на Алтае началось восстановление Немецкого района, существовавшего там до войны, и германская сторона сразу же решительно поддержала этот процесс. Если мне не изменяет память, после Москвы команда Ваффеншмидта отправилась именно на Алтай.

Нам пришлось долго объяснять гостям, что российские немцы воспринимают Сибирь, прежде всего, как место ссылки, а не как регион своего традиционного проживания. Мы отметили также, что будущий Немецкий район слишком мал, чтобы всерьез претендовать на роль национального очага.

Наши доводы не произвели никакого видимого впечатления. Собеседники явно не хотели говорить о Поволжье, да и историю этого важнейшего региона проживания российских немцев представляли себе очень смутно. Впоследствии команда Ваффеншмидта обратила внимание и на Волгу, но немецкие национальные районы на Алтае и под Омском так и остались ее самым любимым детищем.

Столь же мало взаимопонимания обнаружилось у нас по другой узловой проблеме – приему российских немцев в Германии. Поначалу гости не могли уяснить, как совместить два основных программных требования «Возрождения» – восстановление Немреспублики в Поволжье и обеспечение беспрепятственного выезда для всех желающих. Мы стали ссылаться на то, что наши соплеменники должны, наконец, получить возможность свободного выбора своей дальнейшей судьбы. Против этого собеседники вроде бы не возражали, но в отношении правил приема переселенцев мы так и не достигли согласия.

На первый взгляд, ситуация с приемом российских немцев и членов их семей в ФРГ складывалась на тот момент вполне однозначно. Начиная с 1987 г., когда советские власти практически прекратили чинить административные препятствия выезжающим, численность наших переселенцев стала быстро нарастать, составив в 1990 г. почти 150 тысяч человек. Для сравнения: это примерно в 1,5 раза больше, чем аналогичная цифра за 1951-86 гг., вместе взятые.

Однако сами правила приема выглядели, по меньшей мере, сомнительно. В первую очередь это касалось того, какая категория наших людей может считаться немцами и, как следствие, иметь гарантированное право на въезд в Германию. На наш взгляд, единственно разумный ответ на этот вопрос гласил: к таковым должны относиться все люди, могущие подтвердить, что хотя бы один их родитель являлся немцем, а исключения допустимы лишь в отношении лиц, запятнанных серьезными уголовными преступлениями.

Германская сторона решительно возражала против такого «огульного» подхода и стала ревностно «отделять агнцев от козлищ». В разряд последних зачислялись, в частности, немцы, занимавшие высокие политические и профессиональные посты, которых они, якобы, могли достичь «лишь в результате особой связи с тоталитарной системой». На практике в число подозрительных лиц заведомо попадали военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и руководители разного ранга независимо от занимаемой должности. Другим, еще более частым камнем преткновения становился «отказ» от немецких национальных традиций, т.е. незнание языка, неподходящая запись в паспортной графе о национальности и т.п.

Эти законодательные нормы вызывали у нас естественное недоумение и возмущение. Наши собеседники никак не могли уяснить даже то, что скрупулезное соблюдение этих строгих критериев требовало от германских чиновников столь глубоких познаний в истории СССР и российских немцев, которых у них попросту не могло быть. В результате германская правоприменительная практика шла по самому простому пути, покрывая весь советский период одинаковой темной краской. Как было растолковать этим

людям, что занятие высокого поста, сокрытие своей национальности или, напротив, публичное общение на немецком языке означали, к примеру, в 1925, 1945, 1965 и 1985 гг. далеко не одно и то же?

Мы хорошо знали, что к началу 90-х годов в СССР громче всех распинались о приверженности ко всему немецкому как раз те люди, которые в лихие советские времена всеми правдами и неправдами прятали свою национальность. Придирчивые германские законы фактически отдавали предпочтение именно таким конъюнктурщикам, а не простым российским немцам, хранившим свои национальные традиции без шума и крика, но невзирая ни на какие угрозы и препоны.

Не менее существенно было и то, что массовый прием российских немцев в Германии, начавшийся под лозунгом «воссоединения семей», на деле приводил к все большему их разъединению. На наш взгляд, этого крайне нежелательного явления можно было избежать только одним способом – разрешить проезд в Германию, наряду с российскими немцами и членами их семей, также ближайшим родственникам, т.е. детям и родителям, всех указанных людей. В действительности этот принцип распространялся на детей, но не на родителей.

Этот важный вопрос занял, пожалуй, центральное место в наших дискуссиях с командой Х. Ваффеншмидта. В первую очередь гости стали выяснять, сколько же людей пришлось бы принять в Германии, если руководствоваться нашим подходом. Я ответил, что ориентировочно, с учетом многочисленных межнациональных браков среди российских немцев, – до 5-7 миллионов человек.

Лица собеседников вытянулись, ни о чем подобном они не хотели и слышать. Нам принялись объяснять, что прием такой огромной массы людей не может вызвать понимания со стороны германской общественности, не говоря уже о немыслимых финансовых и материальных затратах, с которыми он сопряжен.

Ваффеншмидт без обиняков сказал, что его ведомство ориентируется и намерено ориентироваться не на нашу цифру, а на официальную численность немцев в СССР согласно последней переписи населения – 2 миллиона человек. Мол, многие эти люди, конечно, состоят в межнациональных браках, но ведь, с другой стороны, далеко не все немцы пожелают выехать.

Не могу не отметить, что тогдашний прогноз Ваффеншмидта в отношении численности переселенцев оказался поразительно точен. С 1991 г. Германия приняла почти ровно 2 миллиона наших людей, и нет никаких признаков, что эта цифра может существенно возрасти в обозримой перспективе.

Услышав все это в июле 1991 г., мы с товарищами по «Возрождению» испытали очень скверные предчувствия. Нам прозрачно дали понять, что в Германии уже определились с максимально возможной численностью наших переселенцев, исходя при этом из совершенно произвольной цифры, а не из реальной демографической ситуации немецкого населения на территории СССР.

Теперь нас больше не могли обмануть высокие темпы приема переселенцев, наблюдавшиеся в тот период. Стало ясно, что это – временное явление, что германские власти могут в любой момент ввести более жесткие правила приема, чтобы искусственно удержать численность переселенцев в заранее намеченных пределах. Это и был один из нагляднейших примеров того узковедомственного подхода, которым руководствовались и руководствуются соответствующие германские инстанции в отношении проблем российских немцев.

«Первый звонок» раздался уже в 1992 г., когда в Германии развернулась подготовка так называемого Закона о пересмотре законов о последствиях войны (по-немецки его называют обычно *Kriegsfolgenbereinigungsgesetz*). Он должен был установить новые правила приема наших переселенцев, и мы с полным основанием опасались, что они могут резко ужесточиться. Тем более что в германском политическом бомонде,

особенно на его левом фланге, все громче звучали откровенно неприязненные высказывания по адресу переселенцев и вообще российских немцев.

К счастью, самые мрачные наши предположения не подтвердились. Мы это почувствовали еще до принятия нового закона, в начале декабря 1992 г., когда нас неожиданно пригласили на слушания в Бундестаге ФРГ о положении немецких меньшинств и сохранении немецкого культурного наследия в странах Восточной Европы. Я подготовил соответствующую справку по странам бывшего СССР за подписями Г. Гроута и моей, которая и была зачитана на слушаниях. Этот документ опубликован в книге «Десять лет в "Возрождении"».

Возможно, эти слушания в какой-то мере способствовали более позитивному восприятию переселенческой проблематики со стороны депутатов Бундестага. Как бы там ни было, новый закон, принятый 21 декабря 1992 г., не предусматривал существенного ужесточения правил приема. После этого мы несколько иначе взглянули на деятельность Х. Ваффеншмидта и его команды, которым, несомненно, принадлежала важная роль в принятии данного решения. Последующие годы были в наших отношениях с ними, пожалуй, наиболее гармоничными.

Однако в сентябре 1998 г. ХДС/ХСС, т.е. партийная коалиция, к которой принадлежал Ваффеншмидт, потерпела поражение на парламентских выборах, и ему пришлось уйти со своих высоких постов в правительственных структурах Германии. Вот тут-то и выяснилось, что тягостные предчувствия семилетней давности нас ничуть не обманули.

Германские власти повели себя подобно невиданному футбольному арбитру, который принялся бы менять правила в процессе самой игры. А ведь в данном случае «игра» шла вокруг судеб живых людей, которые при принятии ответственного решения о выезде могли руководствоваться, естественно, только теми правилами приема, которые действовали на тот момент.

Результат этих игр тактов таков: за 1998-2008 гг. прием наших переселенцев в Германии сократился со 101550 до 4301 чел. или в 23,6 раза. И еще один факт: 50 лет назад, в 1959 г., из наглухо закрытого СССР в ФРГ приехало больше немецких переселенцев, чем в 2008 г. из открытых, как проходной двор, наследниц советской империи.

После безвременной кончины Хорста Ваффеншмидта в 2002 г. некоторые мои товарищи по «Возрождению» уже высказались о роли этого видного государственного деятеля в решении проблем российских немцев – как в Германии, так и на территории бывшего СССР. Эти оценки весьма разноречивы, и я могу добавить к ним, что таковы же мои впечатления от общения с Ваффеншмидтом – у нас бывали и вполне конструктивные беседы, и резкие стычки.

Но сегодня я сужу о нем, разумеется, не по воспоминаниям многолетней давности, а по его реальным делам и их последствиям. И тут мне есть с чем сравнивать – я встречался со всеми преемниками Ваффеншмидта на посту Уполномоченного по делам переселенцев и не понаслышке знаком с результатами их деятельности.

Так вот, на фоне этих людей Ваффеншмидт выглядит как Гулливер в стране лилипутов. Десятилетие его пребывания на указанном посту (1988-98 гг.) ознаменовалось не виданной доселе активностью германских властей и по приему наших переселенцев, и по оказанию разного рода содействия немецкому населению России и других стран СНГ.

Конечно, Х. Ваффеншмидт занимал не самое высокое место во властной иерархии Германии. Однако у меня нет сомнения, что в сфере своей компетенции он был не просто исполнителем, но и непосредственным участником формирования государственной политики. Поэтому мои дальнейшие выводы относятся не только и не столько к деятельности Ваффеншмидта, сколько к этой политике как таковой.

На мой взгляд, тогдашняя (как и дальнейшая) политика Германии в отношении российских немцев не отличалась ни последовательностью, ни, тем более,

дальновидностью. Результаты мы наблюдаем сегодня своими глазами: российские немцы, как никогда, разобщены между Германией и странами бывшего СССР; ставка на первоочередную поддержку немецких районов в Сибири оказалась несостоятельной – почти все их первоначальные жители давно выехали в Германию; германские вливания в Поволжье ни на шаг не продвинули воссоздание нашего единственно возможного общенационального очага.

Мне могут возразить, что во всем этом повинны в первую очередь власти стран СНГ, а не Германии. В этом не сомневаюсь и я, однако мне не раз доводилось наблюдать, как германские представители, не имея ясной и перспективной политической линии, близоруко шли на поводу у своих российских коллег – вместо того, чтобы побуждать их сделать для еще оставшегося немецкого населения хоть что-нибудь полезное. О самом ярком примере такого рода, касающемся Поволжья, у нас еще будет идти речь.

Удар третий. Путч Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП)

Свои впечатления от путча ГКЧП я уже описал по горячим следам в статье «В эти драматичные дни», опубликованной в книге «Десять лет в "Возрождении"». Это избавляет меня от необходимости вдаваться во многие детали тогдашних событий.

Тем не менее, напомним, что узнал о путче и образовании ГКЧП в московской штаб-квартире «Возрождения» в седьмом часу утра 19 августа 1991 г., т.е. почти сразу же после появления первой информации на этот счет. Председатель «Возрождения» Г. Гроут накануне отправился с деловой поездкой в Бонн, и я, его заместитель, был в тот момент в штаб-квартире за старшего. Посему наши сотрудники, получив известие о путче, тотчас меня разбудили, хотя я лег совсем недавно, т.к. только поздним вечером 18-го прилетел в Москву из Алма-Аты.

Помнится, первым делом у меня в голове промелькнуло: «Ну, началось!» Свержение президента СССР М. Горбачева в итоге антиконституционного переворота не стало особым сюрпризом ни для меня, ни для многих советских граждан. К этому, в принципе, все и шло: «Горби», без конца превозносимый на Западе, стремительно терял влияние в своей партии и стране, и по всему было видно, что его жаждут сменить – вовсе не обязательно законным путем – махровые реакционеры и партократы.

Сам Горбачев, как я показал в «Прощальном взлете», был очень далек от понимания проблем российских немцев, но от этой дуболомно-сталинистской братии нам, тем более, не приходилось ждать ничего хорошего. Об этом я недвусмысленно предупредил всего несколькими днями ранее, выступая перед нашими активистами в казахстанском городе Джамбуле (ныне Тараз).

Официальные сообщения о создании ГКЧП периодически транслировало с 6 утра центральное телевидение. Мы, естественно, тотчас включили телевизор, но почерпнули из этих передач весьма немного: Горбачев «занемог» и изолирован в крымском Форосе, а его полномочия присвоили себе ближайшие соратнички, которых он же и усадил рядом с собой. Наибольшее наше внимание привлекло, конечно, участие в ГКЧП председателя КГБ СССР В. Крючкова. Нам ли было не знать о пристальном надзоре наших доблестных «органов» и за жизнью российских немцев, и за деятельностью «Возрождения»?

Ближе к середине дня представитель этой конторы объявился и в нашей штаб-квартире. Это был наш давний знакомый, подполковник КГБ А. Кичихин, о котором немало написано в «Прощальном взлете». Пришел он, однако, вовсе не затем, чтобы нас «пасти», и уж, тем более, не «за нами», а по поводу, который не очень-то вяжется с бытующими представлениями о сотрудниках КГБ.

Кичихин, написав листовку с призывом к войскам, в большом количестве введенным в Москву, не стрелять в людей, попросил нас помочь в ее размножении. В этом мы ему, естественно, не отказали. Текст тут же напечатала на машинке наш незабвенный секретарь Альма Эглит, а затем мы растиражировали его на ксероксе.

Забегая вперед, отмечу, что этот демарш, похоже, возымел свое действие: вскоре после путча Кичихина уволили из КГБ, где в то время, якобы, началась демократизация.

19 августа мы узнали и о том, что нас, как и следовало ожидать, все-таки «пасут» – правда, по линии МВД. Нам позвонил оттуда некий майор С.С. Курманов, который сказал, что временно замещает куратора «Возрождения», и поинтересовался нашими, так сказать, творческими планами. Я заверил этого официального соглядатая, что мы работаем в обычном режиме и не намерены предпринимать никаких незаконных действий. Добавлю, что о «кураторе» Курманове мы услышали тогда в первый и последний раз.

В этой ситуации я решил немедленно отобрать самые важные документы «Возрождения» и переправить их в какое-нибудь более надежное место. Этим мне в основном и пришлось заниматься на протяжении того памятного дня. К вечеру я завершил отбор документов и сложил их в большой картонный ящик.

Однако отправлять их, как оказалось, было некуда: никто из московских активистов «Возрождения» не изъявил желания забрать ящик к себе. Благо, выручил совершенно посторонний человек – товарищ нашего сотрудника Вильгельма Либерта еще со студенческих времен. Вилли благополучно доставил документы к нему, но это удалось сделать только через сутки, вечером 20 августа.

Мне еще утром 19 августа стало ясно, что в руководстве СССР никто не собирается противодействовать путчистам, – ведь в ГКЧП вошла почти вся союзная верхушка. А президент РСФСР Б. Ельцин, относившийся к ней с демонстративной неприязнью, находился накануне, как и я, в Алма-Ате. С этой точки зрения момент для путча был выбран очень удачно.

Однако вскоре выяснилось, что Ельцину удалось не только вернуться в Москву, но и, как ни странно, без помех добраться до российского Белого дома. Более того, там он поленился залез на подоспевший «броневичок» и зачитал оттуда обращение к гражданам России, подписанное им, главой Правительства РСФСР И. Силаевым, а также и.о. председателя Верховного Совета Р. Хасбулатовым.

Копию этого документа, объявлявшего переворот незаконным, еще в первой половине дня привезли в нашу штаб-квартиру ее сотрудники. Мы размножили его и раздавали всем, кто приходил к нам, а также стали сообщать его содержание по телефону нашим региональным структурам.

Вечером 19 августа мы внимательно следили по телевизору за пресс-конференцией пяти членов ГКЧП. Прежде всего, бросилось в глаза, что у вице-президента СССР Г. Янаева, самозваного преемника Горбачева, заметно трясутся руки. Позже сообщалось, что союзный премьер В. Павлов в те дни тоже нередко «заглядывал в бутылку», на почве чего у него, якобы, даже возник гипертонический криз.

Более воздержанные члены ГКЧП – министр внутренних дел СССР Б. Пуго, секретарь ЦК КПСС О. Бакланов, А. Тизяков, В. Стародубцев – выглядели вполне трезвыми, но о целях и задачах ГКЧП ничего внятного поведать не смогли. Они только заученно повторяли, что намерены противодействовать «деструктивным силам» и восстановить законность и порядок в стране.

Среди присутствовавших в зале мы неожиданно заметили хорошо нам известного сотрудника ЦК КПСС В. Аумана, который не раз упоминается в «Прощальном взлете». Однако обращаться к нему за комментариями не стали, т.к. взаимоотношения между ним и лидерами «Возрождения» были в тот период, мягко говоря, не слишком теплыми.

Фактически мы, как и подавляющее большинство граждан СССР, оказались в тягостном информационном вакууме. Сообщения официальных советских теле- и радиостанций, доступных для нас, совершенно не позволяли разобраться в том, что происходит вокруг.

Не придумав ничего лучшего, я отправился утром 20 августа за информацией к Белому дому, находившемуся на Краснопресненской набережной, совсем неподалеку от нас.

Едва выйдя из штаб-квартиры, стал замечать странные вещи. У близлежащего Шелепихинского моста стояли несколько танков. Кого они сторожили в этом месте, было абсолютно непонятно. Напротив, возле Белого дома я никакой бронетехники не заметил, хотя войска, как сообщалось, были введены в Москву именно для охраны правительственных зданий и других важнейших объектов. Подступы к Белому дому преграждала только жиденькая баррикада, через которую я без труда перелез.

Вокруг здания бродило немало людей, но они по большей части были информированы ничуть не лучше меня. Правда, я узнал от них, что в 12 часов здесь начнется митинг, и, естественно, решил его дожидаться. Тем временем в здание прошли И. Силаев и Р. Хасбулатов. Они выглядели озабоченными, но вполне уравновешенными. Во всяком случае, руки у них не тряслись.

Впечатление о том, что в Белом доме царит совершенно иная атмосфера, чем среди членов ГКЧП, полностью подтвердилось на грандиозном митинге, собравшем, как говорили, до 200 тысяч человек. Там выступило множество известных людей – от Ельцина и вице-президента РСФСР А. Руцкого до популярных деятелей культуры, и настрой у них был одинаково бескомпромиссный. Все ораторы говорили под овации присутствующих об антиконституционном характере переворота и своей решимости защищать законное руководство России. В конце митинга, который продолжался более 3,5 часов, нас призвали будущей ночью вновь прийти к Белому дому и не допустить его захвата путчистами.

Проведя почти весь день на ногах и без еды, я почувствовал усталость, а потому отправился после митинга в нашу штаб-квартиру, дабы передохнуть перед трудной ночью. Вечером мы услышали о введении в Москве с 23:00 комендантского часа. Но я уже не верил, что ГКЧП способен добиться выполнения хоть каких-то своих распоряжений, и в начале 11-го засобирался в путь.

Тут Альма Эглит заявила, что отправится вместе со мной. Этого я ей, разумеется, позволить не мог. Тогда она стала призывать, чтобы меня сопровождал кто-нибудь из присутствующих мужчин, хотя никакой реальной необходимости в этом не было. Наконец, к всеобщему удовлетворению, со мной вызвался пойти наш сотрудник Владимир Шауэрман.

Мы добрались с ним до Белого дома только в начале 12-го, но признаков комендантского часа так и не заметили. Зато увидели множество людей, собравшихся вокруг здания, невзирая на проливной дождь.

В эту самую ночь неподалеку отсюда погибли под танками трое парней, о чем нас известили по громкоговорителям. Однако ни малейшей паники среди присутствующих это известие не вызвало, и я не заметил, чтобы после него кто-то стал уходить. Люди вполне сдержанно реагировали даже на звуки недалеких выстрелов и сообщения о возможном штурме Белого дома.

Не будучи психологом, я не берусь объяснить такое, казалось бы, аномальное поведение. Могу только констатировать: наше состояние во многом объяснялось тем, что мы в большинстве своем хорошо знали, зачем добровольно сошли сюда в эту ночь. Кроме того, до нас постоянно доносилась информация из Белого дома. И хотя она сама по себе далеко не вселяла оптимизма, слушать ее было гораздо спокойней, чем пребывать в полном неведении.

Признаться, меня в те часы тревожило только одно – как бы среди этой массы людей не возникла паника. Нас было так много и мы находились на таком узком пространстве, замкнутом со всех сторон, что в этом случае присутствующие передавали бы друг друга безо всякого штурма. К счастью, ничего подобного не произошло, и после 5

утра, когда стало окончательно ясно, что штурм не будет, люди начали понемногу расходиться.

Позже некоторые активисты «Возрождения» пеняли мне на эту, как им казалось, безрассудную вылазку. Мол, как же ты мог в такой момент оставить штаб-квартиру, где был за старшего? И разумно ли было так рисковать?

Все это объясняется довольно просто. В ту ночь я не мог быть чем-либо полезным в штаб-квартире, мое присутствие или отсутствие там ничего не меняло. А что касается степени риска, то в ситуации полной неизвестности ее было попросту невозможно оценить. Кстати, судя по рассказам оставшихся товарищей, в штаб-квартире, куда тоже доносились звуки выстрелов, было той ночью намного страшнее, чем у стен Белого дома.

Поостыв от свежих впечатлений, я взглянул на эти события другими глазами. В действительности путч ГКЧП был очень страшен – независимо от того, напугал ли он нас, его непосредственных свидетелей. Ведь он с предельной ясностью обнажил катастрофический развал власти, который предвещал гражданам СССР самые мрачные перспективы.

Союзная партийно-государственная верхушка, долгие годы подбиравшаяся по принципу негативной селекции, прогнила до основания. А новые властные структуры (возникавшие, к примеру, на уровне союзных республик) еще находились в стадии становления. Кроме того, они формировались практически по тем же порочным принципам, а потому не могли принести с собой подлинного обновления системы власти.

Все эти невеселые мысли пришли мне в голову уже 23 августа, когда я отправился на «побывку» домой. Самолет до Кемерово вылетал из Внуковского аэропорта, где я увидел по телевизору трансляцию с сессии Верховного Совета РСФСР. На ней присутствовал и Горбачев, только недавно доставленный из Фороса.

Миллионы телезрителей стали свидетелями того, как Ельцин присущим ему хамским тоном заставил Горбачева подтвердить все указы, подписанные президентом РСФСР в дни путча, и президент СССР униженно подчинился. Наблюдая эту отвратительную сцену, трудно было не задаться вопросом: как же эти деятели будут решать проблемы страны и ее народов при таких взаимоотношениях между собой?

Помню, я тогда подумал, что наименьшим из зол в этой ситуации могло бы стать избрание Ельцина союзным президентом вместо Горбачева. В те дни еще мало кто мог себе представить, что у новоявленного российского супер-лидера вызревают совсем иные планы относительно будущего властных структур СССР.

Удар четвертый. Развал СССР

Я намеренно говорю не о распаде, а о развале СССР. Эти термины, характеризуя, казалось бы, одно и то же явление, имеют принципиально разный смысл. В первом случае подразумевается, что СССР перестал существовать по неким объективным причинам, во втором – что это произошло в силу достаточно сознательных, целенаправленных действий.

На мой взгляд, СССР, безусловно, развалили изнутри (внешних факторов этого процесса я здесь касаться не буду), причем с двух сторон. Этому способствовали в первую очередь советские правители, включая и последнего из них – М. Горбачева, которые не пожелали или не смогли своевременно осуществить необходимые коренные реформы государственного механизма СССР. Этим, в свою очередь, воспользовались в начале 90-х лидеры тогдашних союзных республик во главе с Б. Ельциным, видевшие в СССР, прежде всего, преграду для достижения собственного полновластия.

Думаю, внимательные читатели «Прощального взлета» уловили, что автор книги был далек от официального «советского патриотизма». Действительно, лозунг «моя родина – СССР» всегда оставлял меня равнодушным. Я считал своей родиной Киселевск, где

волей судьбы появился на свет, от силы – весь Кузбасс. Но отождествлять себя с громадным и бесчеловечным Советским государством мне как-то не приходило в голову.

Тем не менее, активно включившись во 2-й половине 80-х годов в общественно-политическую деятельность, я отнюдь не присоединился к противникам существования СССР, которых хватало и тогда. Чтобы представить себе катастрофические последствия распада или развала СССР, нужно было обладать не таким уж сильным воображением.

При этом я считал, что преобразование СССР из анахроничной унитарной империи в цивилизованное федеративное государство – давно назревший и перезревший вопрос. Поскольку власти СССР не уделяли должного внимания реформированию государственного устройства даже при Горбачеве, мне представлялось, что инициатива в этом отношении должна исходить от союзных республик.

Поэтому, когда в начале 1990 г. меня зарегистрировали кандидатом в народные депутаты РСФСР, первым пунктом моей предвыборной программы значилось заключение нового Союзного договора. Я и сегодня считаю, что если бы избранный тогда российский парламент сразу же выдвинул далеко идущие, но реалистичные законопроекты по данному вопросу, то грядущий распад СССР (по крайней мере, в той обвальномой форме, которую обрел этот процесс в 1991 г.) еще можно было предотвратить. Увы, этой жизненно важной проблемой не озаботилась ни одна влиятельная депутатская фракция – ни «государственники», ни «демократы».

Вместо этого Горбачев выступил с чисто популистской идеей – провести 17 марта 1991 г. всесоюзный референдум о сохранении СССР. В «Прощальном взлете» упомянуто, что наши противники попытались использовать это мероприятие в качестве повода для «переноса» I съезда немцев СССР. Но мое отношение к референдуму было негативным вне зависимости от выдвижения этого абсолютно надуманного предлога, и голосовать «за Союз» я не ходил.

Вопрос, заданный в бюллетенях, слишком напоминал известную дилемму: «Желаете ли Вы стать богатым и здоровым или бедным и больным?», чтобы ответ на него мог всерьез на что-то повлиять. Подавляющее большинство проголосовавших в тех местах, где прошел референдум (в ряде союзных республик он не проводился), естественно, предпочли быть «богатыми и здоровыми», но СССР это, как известно, не спасло.

Дело, конечно, не только в некорректной постановке вопроса, фактически навязывавшей заранее намеченный ответ на него. Горбачев провел референдум со вполне определенной целью – использовать его результаты, чтобы принудить власти союзных республик к подписанию слегка подретушированного Союзного договора. Те упорно сопротивлялись – они жаждали не столько сохранения СССР, в какой бы то ни было форме, сколько превращения своих «княжеств» из удельных в отдельные. Это «перетягивание каната» началось в подмосковном Ново-Огарево уже вскоре после референдума, в апреле 1991 г., однако так ничем и не увенчалось.

Наблюдая по телевизору сие тягостное зрелище, я, грешным делом, вспоминал фразу К. Маркса из 1-го тома «Капитала», памятную мне еще с университетской скамьи: «...один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить».

Советские удельные князьки больше не хотели «продавать свою шкуру» Великому Князю Московскому, как бы тот ни посмеивался и ни горел желанием приступить к делу – его уже перестали и уважать, и бояться.

Судьба нового Союзного договора могла сложиться совершенно иначе, если бы его инициировала не сторона, стоявшая над республиками, а одна из последних. Практически это была в состоянии сделать, конечно же, только Россия. Однако для этого ее лидер

должен был являться твердым сторонником сохранения СССР, чего у Ельцина не наблюдалось и в помине.

Если главам союзных республик казалось (далеко не без основания), что их пытаются вновь загнать в то же опостылевшее советское «стойло», то организаторы путча ГКЧП, напротив, сочли подготовленный проект Союзного договора недопустимо радикальным и решительно выступили против его подписания.

Горбачев до сих пор заверяет, что не случись путча, договор был бы благополучно подписан, и все бы стало о'кей. Как говорится, блажен, кто верует! В действительности для такого исхода необходимо было, как минимум, сменить президентов СССР и РСФСР и заново написать сам текст договора.

После провала путча ГКЧП всюду развернулся «парад суверенитетов», начавшийся еще ранее. Союзные республики стали одна за другой провозглашать себя даже не суверенными, а независимыми. Этот процесс увенчался 8 декабря 1991 г. Беловежским сговором.

Сторонники этой позорной акции так и не смогли объяснить, куда же торопились ее инициаторы. В Вискулях, на белорусской правительственной даче в Беловежской пушке, все происходило согласно крылатой фразе, когда-то пущенной в оборот со страниц «Литературной газеты»: «Сильно быстро делали». Руководители России, Украины и Белоруссии, съехавшиеся в это заповедное место, всего за несколько часов, ни с кем более не советуясь, договорились расторгнуть Союзный договор 1922 г. и тем самым предрешили судьбу СССР.

В подписанном тогда «документе» эти деятели мотивировали свою блиц-акцию тем, что именно данные республики, дескать, и заключили Союзный договор почти 70-летней давности. Аргумент был явно рассчитан на невежд или дурачков: этот договор подписала также ЗСФСР, но об Азербайджане, Армении и Грузии, которые входили в свое время в Закавказскую федерацию, в Вискулях никто и не вспомнил. Взамен туда вроде бы пытались привлечь Казахстан, но его дальновидный лидер Н. Назарбаев, конечно, меньше всего хотел оказаться в этой геростратовской компании.

Кто же конкретно правил бал в Беловежской пушке? Спикер белорусского парламента С. Шушкевич впоследствии заявлял, что до приезда в Вискули не имел никакого понятия о намерении ликвидировать там СССР. В это я охотно верю: с какой бы стати небольшая скромная республика стала инициировать катаклизм вселенских масштабов? Для этой роли не годился и украинский президент Л. Кравчук, в прошлом – осторожный и осмотрительный партаппаратчик. Остается, стало быть, только российская делегация. Напомню состав этой «сладкой троицы»: бывший партбосс Б. Ельцин, бывший преподаватель марксизма-ленинизма Г. Бурбулис, бывший юрист С. Шахрай.

Последнего мне чуть позже, в его бытность министром по делам национальностей и вице-премьером России, не раз доводилось слышать на наших форумах. Чисто внешне Шахрай производил внушительное впечатление – осанкой и манерами высокого начальника, подчеркнутой значительностью речи, умением удерживать внимание аудитории. Однако реальное содержание в его выступлениях практически отсутствовало. Видимо, это обстоятельство бросалось в глаза не мне одному – во всяком случае, вскоре Шахрай бесследно исчез с политической арены. Вот такие напыщенные ничтожества и развалили СССР.

Возвращаясь к выявлению инициаторов этого процесса, должен отметить, что анализ методом исключения в данном случае, в общем-то, излишен. Распад СССР был предопределен не в Вискулях, а в Москве, на 2-м этапе V съезда народных депутатов РСФСР в конце октября – начале ноября 1991 г. Именно тогда было принято одностороннее решение о проведении в России так называемых радикальных экономических реформ. Тем самым было разрушено единое экономическое пространство СССР, а без такового не может существовать ни одно государство.

Помнится, мне, оказавшемуся в те дни у себя дома, удалось посмотреть телетрансляцию практически всех заседаний съезда. Услышав то, что там говорилось о предстоящих дуболомных «реформах», я, будучи профессиональным экономистом, пожалуй, впервые ясно осознал, что «демократической» Россией правят авантюристы и проходимцы.

В середине дня 25 декабря 1991 г. я уехал в Кемерово на «рождественские каникулы». В тот же вечер было объявлено о прекращении существования СССР. Эта новость, услышанная мной уже в поезде, произвела на меня гнетущее впечатление, хотя ничего нового в ней, в сущности, не было.

Я уезжал из Москвы в промозглую сырую погоду, так что мне и моему товарищу по «Возрождению» Александру Клепферу, проводившему меня до поезда, пришлось топтать то по снежно-водяной жиже, то по лужам. А вскоре за окнами вагона стремительно потемнело, как и положено в это время года. Я лег на верхнюю полку и попытался читать интереснейшие воспоминания видного политического деятеля ФРГ Франца Йозефа Штрауса, которые прихватил в дорогу из нашей штаб-квартиры, но строчки расплывались перед моими глазами.

Поезд шел по непроницаемой темени, и мне казалось, что нас несет неведомо куда, без руля и без ветрил. В голове крутились одни и те же мысли: что теперь будет со страной и ее жителями, с российскими немцами, с нашей организацией?

Совсем недавно, в мае 1991 г., меня избрали заместителем председателя Всесоюзного общества «Возрождение». Через полгода с небольшим я оказался в положении помощника капитана развалившегося корабля.

Из 2-х миллионов немцев, зарегистрированных в СССР на 1989 г., в России проживали всего 41,3%. 47,0% российских немцев жили тогда в Казахстане, 8,7% – в Средней Азии, 3,0% – на Украине, в Прибалтике, Молдавии, Закавказье. Как известно, основная масса наших людей попала в азиатскую часть СССР далеко не по собственной воле. И вот большинство из них внезапно оказались отделенными от остальных соплеменников государственными границами.

Государство, депортировавшее в 30-40-х годах сотни тысяч наших соплеменников, исчезло с географической карты. Однако вместе с ним отнюдь не исчезли проблемы репрессированного, но не реабилитированного народа. От кого теперь было добиваться их решения?

К тому моменту мы уже сполна убедились, что российские власти этим заниматься не намерены. Тем более не приходилось рассчитывать на остальные республики бывшего СССР.

С тех пор прошло почти 18 лет, но российские немцы так и не дождались ответа на эти вопросы, поставленные в повестку дня развалом СССР. В том числе от инициаторов и виновников этого рукотворного катаклизма. Словом, развалили – и с плеч долой!..

Удар пятый. Провокационное выступление Б. Ельцина в Поволжье

Рискуя вызвать недоумение своих читателей, хочу воздать должное Б. Ельцину. Как ни оценивай первого президента России, факт остается фактом: Ельцин был не из тех политиков, кому «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Ельцинская политическая мысль (если это словосочетание вообще уместно) клокотала и фонтанировала, регулярно выплескиваясь наружу. Правда, при этом, чего греха таить, нередко вспоминалось другое известное изречение: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Один из самых нашумевших случаев такого рода имел место в первые же дни «суверенного» правления Ельцина, 8 января 1992 г., когда его по какой-то надобности занесло на территорию бывшей АССР Немцев Поволжья. Там, в совхозе «Осиновский», выступая перед местной публикой, Ельцин заплетающимся языком заверил, что никакой

немецкой автономии в Поволжье больше не будет. Взамен он предложил российским немцам поселиться на бывшем военном полигоне в Волгоградской области, дабы обрабатывать тамошнюю землю, начиненную снарядами, многозначительно добавив при этом: «И Германия поможет».

Не считая откровенно провокационной формы этого словоизвержения, для меня и многих наших активистов ничего неожиданного в нем не было. Власти принялись пропагандировать «полигонный вариант» еще в начале осени 1991 г., накануне 2-го этапа I съезда немцев СССР. Наибольшую активность на этом поприще проявил заместитель главы администрации Волгоградской области А.И. Егин – по профессии, как ни странно, врач. Помнится, соответствующие рекламные сюжеты демонстрировались даже по центральному телевидению. Они, однако, практически не привлекли к себе внимания – возможно, просто потому, что Ельцин в них не фигурировал ни в пьяном, ни в трезвом виде.

Дальше – больше. 21 ноября 1991 г., приехав в Бонн, Ельцин озвучил идею «восстановления» Немреспублики в Поволжье на двух территориально разобщенных участках площадью по 3000 кв. км каждый (для сравнения: АССР НП занимала накануне своей ликвидации в 1941 г. 28400 кв. км). Один из этих огрызков и должен был разместиться на обезображенных землях ракетного полигона Капустин Яр, расположенных в засушливой Эльтонской зоне Волгоградской области, где немцы никогда не проживали. Во избежание недоразумений уточню: речь не шла об основной территории этого полигона, находящейся в Астраханской области и используемой для запусков ракет до сих пор.

В это очень трудно поверить, но предельно циничные «идеи» российского президента ничуть не смутили германскую сторону. В тот же день Ельцин и канцлер ФРГ Г. Коль подписали совместное заявление, где говорилось: «Германия с удовлетворением принимает к сведению, что Россия намерена восстановить республику немцев в областях традиционного проживания их предков на Волге». И далее: «По мере поэтапного создания Республики немцев Поволжья Германия будет в рамках своих возможностей оказывать многообразную помощь».

Об одном из направлений этой «многообразной помощи» мы узнали очень скоро, хотя именно оно германской стороной отнюдь не рекламировалось. В начале 1992 г. ФауДА, официальная посредническая организация Правительства ФРГ, подписала соглашение с администрацией Волгоградской области, где было предусмотрено и «содействие» переселению российских немцев на территорию Капустина Яра.

Этот полусекретный акт вызвал в марте 1992 г. бурю возмущения среди делегатов II съезда немцев бывшего СССР, где мы приняли по данному вопросу специальную резолюцию. Еще раньше, в декабре 1991 г., Межгосударственный Совет по реабилитации, сформированный на нашем I съезде, выступил с заявлением по поводу боннских «предложений» Ельцина. Оба наших документа опубликованы в книге «Десять лет в "Возрождении"».

Итак, почва для скандального публичного выступления Ельцина была вполне подготовлена, в т.ч. на межгосударственном уровне. Оставалось только «принять» для большей свободы речи и предстать перед камерами центрального телевидения.

Впоследствии многие российские немцы утверждали, что Ельцин оскорбил их намеренно. Признаться, я в этом сомневаюсь. Хамский тон выступлений и выходы на публику «под шафе» были для первого российского президента вполне обычным делом. А уж в данном случае и подавно не стоило церемониться: подумаешь, делов – какие-то немцы будут выковыривать из земли снарядные осколки!

Маловероятно, чтобы Ельцин вообще когда-нибудь задумывался о возможном восприятии и последствиях своих разнузданных спонтанных речей. Почему же он должен был озаботиться этим именно в провинциальном совхозе «Осиновский»? Не могло удержать его, конечно, и то, что он на глазах у миллионов людей ставил в очень

щекотливое положение власти ФРГ. Кого ему было опасаться – «друга Коля»? Тот зависел от «друга Бориса» ничуть не меньше, чем последний от него. Ведь именно российские (вчерашие советские) войска находились в то время на территории Германии, а не наоборот.

Как бы там ни было, эффект от хулиганской речи превзошел все ожидания. Таких слов из уст главы государства российские немцы еще не слышали. Даже Сталин, приняв, к примеру, в 1941 г. решение о депортации немцев Поволжья, побрезговал его озвучивать. Распространение бредней о «тысячах и десятках тысяч диверсантов и шпионов» он осмотрительно возложил на марионеточного «дедушку Калинина». Сам Сталин обращался к своим немецким подданным с совсем иными словами. Чего стоила хотя бы знаменитая сталинская телеграмма, в которой он в 1943 г. передавал «братский привет» и благодарность трудармейцам Базстроля, т.е. немецким узникам Богословлага НКВД СССР!

Однако «демократ» Ельцин уверенно переплюнул кровавого тирана Сталина, и в 1992 г. выезд российских немцев в Германию скачкообразно возрос – примерно со 150 до 200 тысяч человек, причем этот беспрецедентно высокий уровень сохранялся 4 года подряд. Конечно, «после того – не значит вследствие того», но мне довелось слышать от сотен, если не тысяч соплеменников, что именно ельцинская речь окончательно переполнила чашу их терпения, послужив сигналом для принятия решения о выезде.

Через несколько дней после речи я побывал по делам «Возрождения» в Саратове. Наши тамошные активисты и просто сочувствовавшие нам люди были практически единодушны: больше надеяться не на что...

Совсем иного мнения придерживались власти Германии. 22 января 1992 г. мы провели в Москве заседание Форштанда (Правления) нашего Межгосударственного Совета по реабилитации, где присутствовал М. Майснер, один из ближайших сотрудников Х. Ваффеншмидта. Высокопоставленный германский чиновник принялся нас наставлять: мол, выступление Ельцина – это всего лишь слова, а чтобы добиться реальных дел по восстановлению автономии в Поволжье, надо срочно выезжать туда и разворачивать работу на месте. Можно ли было предложить в той ситуации нечто более абсурдное?

Этот сюжет имел свою предысторию. В декабре 1991 г. мы большой делегацией ездили в Бонн, и тогда Х. Ваффеншмидт впервые заговорил с нами о необходимости активной работы в Поволжье. В принципе мы не возражали, но заметили по данному поводу, что одна наша активность в этом регионе ничего не изменит, если мы совместно с германской стороной не добьемся принятия необходимых решений российским руководством. С этим согласился и Ваффеншмидт.

И вот теперь германские власти настаивали на выполнении нами боннских договоренностей о работе в Поволжье, хотя речь Ельцина кардинально изменила ситуацию вокруг восстановления нашей автономии. В своем выступлении на тогдашнем заседании, опубликованном в книге «Десять лет в "Возрождении"», я позволил себе заметить по адресу высокого германского гостя, что «не зная настроений наших людей, нужно остерегаться давать им советы». Боюсь, что это были едва ли не самые мягкие слова, которые ему пришлось выслушать от нас в тот день.

Это же заседание удостоила своим присутствием и ныне покойная Г.В. Старовойтова, в то время – советница Ельцина по вопросам межнациональных отношений. О ее выступлении перед нами я упоминал в «Прощальном взлете». Добавлю только, что ничего вразумительного по поводу поволжских излиятий ее патрона мы от Старовойтовой не услышали. Впрочем, она вряд ли их и заметила – ведь Старовойтова, как и ее вышеупомянутый соратник по «демократическому движению» С.А. Ковалев, считала проблему реабилитации российских немцев искусственно раздутой и надуманной.

Парефразируя известное изречение, не могу не констатировать: каков босс – таковы и советники.

*Удар шестой. Российско-германский протокол о «поэтапном восстановлении»
нашей государственности*

На заседании 22 января 1992 г. мы решили провести уже через 2 месяца II (внеочередной) съезд немцев бывшего СССР. Поначалу наш германский гость М. Майснер проявил по этому поводу полное непонимание: дескать, зачем же опять митинговать – лучше уж засучить рукава и дружно заняться «конструктивной работой». Для убедительности он прозрачно намекнул, что германские власти не будут участвовать в финансировании нашего нового съезда.

Однако аудитория отреагировала на эту очередную начальственную нотацию совсем не так, как, очевидно, рассчитывал посланец Фатерланда. Сначала другой гость из Германии, предприниматель Петер Дангман, относившийся к проблемам российских немцев с глубоким сочувствием, решительно заявил, что в таком случае берет финансирование съезда на себя. А затем мы все заверили, что не откажемся от намерения провести съезд ни при каких условиях. К примеру, я сказал по этому поводу: «Российские немцы находятся в шоке, и их нужно из него вывести. Они должны прийти в себя и сами, через полномочных представителей, высказаться в свете новой ситуации о своей дальнейшей судьбе».

М. Майснеру ничего не оставалось, как довести наше неожиданное решение до своих коллег по команде Х. Ваффеншмидта. Вскоре нам сообщили, что германская сторона сменила гнев на милость и намерена финансировать наш съезд. Вслед за этим выразили согласие на проведение съезда и российские власти.

У нас уже был достаточный опыт участия в национальных съездах, конференциях и т.п., чтобы не возлагать на них избыточных надежд. Однако мы не без основания рассчитывали, что II съезд может стать «моментом истины». Выступления на нем представителей правительств России и Германии должны были в любом случае внести определенную ясность в проблему восстановления нашей автономии, что и требовалось в первую очередь в данной чрезвычайной ситуации.

Реакция последовала даже быстрее, чем мы ожидали. Уже через месяц, 21 февраля 1992 г., принимается Указ Президента России № 231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев».

Я считал и считаю, что немалую, возможно – решающую, роль в появлении этого документа сыграло правительство Германии. Видимо, из Бонна дали понять зарвавшемуся московскому правителю: мол, сумел нахамить российским немцам – так сумей и погасить их негодование еще до проведения съезда. Во всяком случае, нам стало известно, что Ельцин обсуждал проект своего указа с германским руководством. А на съезде представители обоих правительств дружно манипулировали ельцинским указом, как своей козырной картой, на тот момент – практически единственной.

Не буду подробно анализировать содержание указа – я уже сделал это в своем докладе на II съезде, опубликованном в книге «Десять лет в "Возрождении"». Хочу обратить внимание лишь на два узловых момента.

Во-первых, указ основывался на идее «поэтапного» восстановления нашего общенационального очага, до боли знакомой нам в интерпретации Л. Прокопьева и его компании по Госкомнацу РСФСР. В данном случае было «сочтено целесообразным» создать для начала немецкий национальный округ в Волгоградской области и аналогичный район в Саратовской области.

Этот прожект мы отвергли на съезде практически безоговорочно, т.к. он, вопреки заверениям авторов указа, не имел никакого отношения к Закону о реабилитации репрессированных народов – единственному правовому акту, который регулировал решение подобных проблем. К тому же мы были достаточно научены горьким опытом общения с российскими властями, чтобы не поверить, что эти национальные образования

действительно будут созданы. Предчувствие нас не обмануло: с тех пор прошло более 17 лет, но реализация ельцинского указа в этом плане даже не начиналась.

Другой важнейший пункт указа – образование Российской части Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев – был, напротив, реализован достаточно быстро. Уже 21 марта 1992 г. вышло соответствующее Постановление Правительства России, а 21-23 апреля комиссия провела в Бонне свое первое заседание. Там и был одобрен проект «Протокола о сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством ФРГ с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев». Этот протокол сроком на 5 лет был подписан в Москве 10 июля 1992 г.

Кажется, Г. Гроут участвовал в боннском заседании. Во всяком случае, он, если мне не изменяет память, отреагировал на проект протокола известной фразой: «Они ничего не поняли и ничему не научились». Имелась в виду, прежде всего, германская сторона, со всей готовностью одобрявшая никчемную, по мнению Гроута, бумажку. Простудировав текст протокола, я полностью присоединился к этой оценке нашего лидера.

Протокол был типичным продуктом бюрократического словотворчества – сплошной поток многозначительных фраз и минимум конкретики. Будь моя воля, я бы сохранил в неизменном виде только то положение протокола, где стороны выразили уверенность, что «восстановленная республика немцев Поволжья станет культурным и духовным центром для всех немцев, проживающих на территории государств, входивших в состав бывшего СССР, а также убедительным свидетельством их полной политической реабилитации, независимо от того, решат ли они туда переселиться или захотят остаться в местах своего нынешнего проживания».

Вот уж поистине: не в бровь, а в глаз! Эти мысли отражены во многих документах нашего национального движения и убедительно доказаны жизнью. Не восстановлена Немреспублика – стало быть, смешно и говорить о какой-то «полной реабилитации» нашего народа. Нет республики – значит, нет и не может быть у российских немцев своего культурного и духовного центра, а, следовательно, они обречены на исчезновение как народ.

Не понимать таких элементарных вещей могут разве что нынешние российские чиновники и их прислужники из числа «культуртрегеров» с немецкими фамилиями, захлеб утверждающие обратное. Чего здесь больше – обыкновенного скудоумия или подленького корыстного интереса, – пусть ответят те, у кого есть желание распутывать этот омерзительный политиканский клубок.

Какие же конкретные обязательства содержались в межправительственном протоколе? Прежде всего, российская сторона заявила, что уже в 1992 г. предоставит «возможности для эффективного содействия процессу восстановления республики немцев Поволжья». Спрашивается, предоставит кому – германской стороне? Но ведь это означает, в лучшем случае, что руководство России вознамерилось положиться при решении важной внутренней проблемы своей страны на чужого дядю.

Правда, кое-что российские власти все же пообещали урегулировать сами – «план поэтапной реализации принятых государственных актов», «характер и рамки переходного периода», «условия притока переселенцев», «право на получение и приобретение земель», «определение статуса и полномочий автономных образований и будущей республики». Ничего подобного, разумеется, сделано не было, но обвинить на этом основании российскую сторону в нарушении протокола, увы, невозможно. Ведь данный документ не оговаривал никаких конкретных сроков осуществления перечисленных мер.

До некоторых пор мы считали, что боннские власти доверяют пустопорожним обещаниям своих московских коллег, полностью игнорируя при этом наши предостережения, просто в силу определенной политической наивности и недостаточного знания российских реалий.

После провокационного выступления Ельцина в Поволжье такое объяснение уже не годилось – он преподнес свою подчеркнута антинемецкую позицию яснее ясного. И если правительство Германии даже в условиях 1992 г. полагалось на такую «туфту», как февральский указ Ельцина или июльский межправительственный протокол, – значит, оно само было заинтересовано во всем этом наглом обмане. К середине 1992 г. у нас уже не было никаких сомнений на этот счет.

Тот период остался в моей памяти, пожалуй, как самый мрачный и беспросветный за время работы в нашей штаб-квартире. Об этом свидетельствуют уже тогдашние документы, опубликованные в книге «Десять лет в "Возрождении"».

Так, мой доклад на V конференции Общества в августе 1992 г. завершался ходатайством об отставке. Делегаты почему-то не вняли моей просьбе, но одобрили подготовленный мной проект Программного заявления «Возрождения», где говорилось, к примеру, что власти Германии «состязаются с руководством России за спиной российских немцев в создании видимости решения их проблемы, тогда как она заведена в полный тупик».

Последующие события, увы, подтвердили наши оценки и прогнозы лета 92-го. Межправительственная Российско-Германская комиссия все еще существует и время от времени даже проводит некие заседания, но в отношении главной цели своей деятельности она так и не продвинулась дальше бессодержательной болтовни. А чтобы эта цель не вызвала никаких кривотолков, напомним ее со ссылкой на указ № 231: комиссия создавалась «для подготовки совместной программы мероприятий, направленных на обеспечение поэтапного восстановления государственности российских немцев».

Сегодня уже не может быть сомнений, что в устах российских властей эти цветистые словеса с самого начала являлись блефом чистой воды. А что же сказать в этом плане о германских властях? Тут встречаются весьма разноречивые мнения.

Я могу судить об этих вещах не по печати, не по слухам и не по наитию, а на основе достаточно долгого личного общения с соответствующими германскими чиновниками. И вот какая картина сложилась в итоге в моем сознании.

Подход властей Германии к проблеме восстановления Немреспублики в Поволжье во многом определялся их отношением к соответствующему российскому (советскому) руководству.

С конца 80-х годов в Бонне ясно видели беспомощность и недееспособность Горбачева. Поэтому там практически не реагировали на требования российских немцев о восстановлении своей республики, совершенно не веря в осуществимость такой акции. Взамен Германия стала наращивать прием наших переселенцев, как только в СССР были созданы условия для этого.

Положение существенно изменилось после путча ГКЧП, когда политический вес Горбачева упал почти до нуля, но зато резко возросло влияние руководства России, продемонстрировавшего и решительность, и целеустремленность, и способность к овладению ситуацией в стране. Последовавшие затем 4 месяца, вплоть до конца 1991 г., были единственным периодом на моей памяти, когда германские власти относились к восстановлению Немреспублики с достаточным интересом. Это я наблюдал не только у команды Х. Ваффеншмидта, но и со стороны такого влиятельного государственного деятеля, как министр финансов ФРГ Тео Вайгель, с которым мы имели продолжительную беседу в германском посольстве.

Все это рухнуло к началу 1992 г.: Ельцин и его окружение не только развалили СССР, но и затеяли авантюрное насаждение «рыночной экономики», на долгие годы погрузившее Россию в хаос и нищету. С этого момента германские власти стали относиться к ельцинской верхушке с едва скрываемым пренебрежением и презрением. Естественно, в Бонне никто больше и не думал ни о какой Немреспублике на Волге.

Эти метаморфозы германской политики достаточно прагматичны и ничуть не предосудительны. Но мы, активисты «Возрождения», не могли воспринимать их однозначно уже потому, что жили и работали не в Германии, а в России и других странах бывшего СССР. Для нас Ельцин и ему подобные лидеры СНГ были не иностранными политическими банкротами, а нашими реальными правителями.

Мы с пониманием относились ко многим побудительным мотивам германской политики – колоссальным трудностям объединения Германии, разного рода внутри- и внешнеполитическим проблемам, сложившимся нормам дипломатического этикета и т.п. Не могли понять и простить только одного – циничного участия германских властей в беззастенчивом обмане российских немцев ельцинской камарильей.

По каким таким «высшим соображениям» руководство Германии подписало Межправительственный протокол 1992 г., если с самого начала было совершенно очевидно, что он не будет выполняться? Почему германские власти многие годы закрывают глаза на то, что «деятельность» Межправительственной комиссии по проблемам российских немцев не имеет практически ничего общего с целями и задачами, поставленными перед ней в 1992 г.? Зачем представители Германии сообща с российскими коллегами создавали и создают видимость «решения» наших национальных проблем, которые со временем только усугубляются? Что стоит за всем этим – государственные интересы Германии или узковедомственная заинтересованность определенных групп германских властей?

Поставив данные вопросы, я никому не подсказываю и не навязываю ответы на них. Для меня ясно одно: рано или поздно проводникам этой, с позволения сказать, государственной политики все равно придется держать ответ – и перед российскими немцами, и перед гражданами Германии, от имени которых творился чудовищный обман.

Удар седьмой. Расстрел Белого дома

Расстрела российского Белого дома в 1993 г. и того, что этому предшествовало, я коснулся в предисловии к «Прощальному взлету». Но там шла речь об общем развитии этих драматичных и далеко идущих событий, а здесь мне хочется рассказать об их собственном восприятии.

Сразу же отмечу, что в те дни я, в отличие от августа 1991 г., ни разу не выбрался к Белому дому. Дело не в том, что штаб-квартира «Возрождения» к этому моменту перебазировалась с близлежащей Шелепихи в далекое подмосковное Валуево. Во время путча ГКЧП я однозначно сочувствовал не его организаторам, а российскому руководству, которое справедливо объявило тогдашний переворот антиконституционным. События сентября-октября 1993 г. были восприняты мной совершенно иначе – я не испытывал никаких симпатий ни к ельцинистам, ни к хасбулатовскому Верховному Совету.

Первые продолжали навязывать стране свои катастрофические «реформы», жестко пресекая любое недовольство по этому поводу, которое исходило, конечно же, далеко не только от российских депутатов и прочих политических ретроградов. У вторых, где задавали тон националисты и коммунисты, слишком явно ощущалось стремление возвратиться в «блаженные» советские времена. С точки зрения буквы закона правота была в основном на стороне хасбулатовцев, противостоявших ельцинистам, которым ничего не стоило растоптать любые законодательные акты. Однако полная победа одной из этих сторон, по моему убеждению, не могла сулить России и ее народам ничего хорошего.

Ельцинский указ от 21 сентября 1993 г., разогнавший российский парламент, застал меня в Кемерово, куда я в те годы регулярно наведывался по случаю картофельных кампаний. Помню, что услышал о «смещении» Ельцина хасбулатовцами и назначении его

«преемником» вице-президента А. Руцкого в машине, на которой мы с родственниками ранним утром 22 сентября поехали на уборку.

За окнами сыпал снег вперемешку с дождем, и машина, с трудом продиравшаяся по бездорожью и постоянно буксующая в грязи, казалась мне нагляднейшей механической моделью тогдашней России. А уж бравого вояку Руцкого, которого мы знали в основном по роскошным усам и «11 чемоданам компромата», имевшимся, якобы, у него, можно было представить главой государства разве что в театре абсурда.

3 октября, когда политический кризис перерос в силовое противостояние, я сидел за компьютером в нашей штаб-квартире и спешно строчил доклад «Национальности и национальные меньшинства в Российской Федерации», с которым должен был выступить на международной конференции уже через день. Этот текст опубликован в книге «Десять лет в "Возрождении"». Мои коллеги следили за событиями по телевизору в соседнем холле. Оттуда внезапно раздались крики: передача оборвалась – начался пресловутый «штурм Останкина».

Утром 4 октября наш сотрудник Владимир Шауэрман повез меня на машине из Валуева в аэропорт Шереметьево-2, где в гостинице «Novotel» должна была пройти конференция. Мы с Володей, проезжая по Москве, далеко обогнули Белый дом, у стен которого провели незабываемую ночь в августе 91-го. Проезд в этот район был перекрыт: ельцинские танки уже приступили к методичному расстрелу здания российского парламента.

Организаторы конференции, известный баварский Фонд Ханса Зайделя, задумали обсудить сакраментальный вопрос о будущем Российской Федерации, пригласив ради этого и представителей науки, и общественных деятелей, и видных политиков. Но что могли поведать власть имущие о будущем Российского государства в этот момент? Никто из них, естественно, на конференцию не явился. Тем не менее, там собралось немало интересных людей, включая крупных ученых из России и Германии.

Мой доклад был назначен на 5 октября, а 4-го участники конференции в основном сидели у телевизоров – американская телекомпания CNN, передачи которой можно было принимать в нашем отеле, вела прямой репортаж о расстреле Белого дома. Вечером группа зарубежных гостей съездила на место побоища и вернулась оттуда в полном смятении и ужасе. Помню, когда мы в гостиничном баре наблюдали на телеэкране горящий Белый дом, видный германский правовед, профессор Д. Блюменвитц сказал мне: «Это напоминает пожар Рейхстага 60 лет назад».

Читать в такой обстановке свой доклад я, конечно, не стал – просто вручил двуязычный текст организаторам, которые его размножили и раздали присутствующим. Вместо этого я выступил с краткими тезисами, также опубликованными в книге «Десять лет в "Возрождении"».

По поводу тогдашних событий в тезисах сказано, что «разгон парламента и местных Советов лишает политическую систему России громоотвода или клапана для выпуска пара» и «в условиях ухудшения положения в стране, резкого роста недовольства населения экономической политикой, основанной на слепом следовании принципам "чикагской школы", это усиливает вероятность прихода к власти националистов и социал-популистов». В то же время я отметил, что национальные меньшинства России «жизненно заинтересованы в существовании конструктивной, дееспособной представительной власти».

Необходимость «громоотвода» вскоре осознали и ельцинисты. Разогнав ненавистный Верховный Совет, они уже 12 декабря 1993 г. провели выборы в «свой» парламент – Государственную Думу. Как я и предсказывал, верх одержали националисты и социал-популисты: в тройке победителей оказалась и ЛДПР В. Жириновского – 22,9% голосов, и КПРФ Г. Зюганова – 12,4%. Между ними вклинились лучшие ученики «чикагской школы», «Выбор России» Е. Гайдара – 15,5%. Этот правительственный блок,

ради победы которого был мобилизован весь «административный ресурс», потерпел в итоге сокрушительное фиаско.

В ходе пышного шоу, организованного в предвкушении торжества гайдаровцев центральным телевидением, Ю. Карякин выкрикнул свое знаменитое: «Россия, одумайся, ты одурела!» Да простят мне поклонники этого маститого литературоведа и либерального публициста, но завихрения в мозгу наблюдались, по-моему, у него самого. Похоже, он представлял себе российских избирателей оголтелыми мазохистами, жаждущими проголосовать именно за тех, чьими усилиями население России было совсем недавно ввергнуто в беспросветную нищету.

Разумеется, новоиспеченная Дума походила на «конструктивную, дееспособную представительную власть» ничуть не больше своего разогнанного предшественника. Кого в этом скопище жириновцев, гайдаровцев и зюгановцев могли интересовать, к примеру, проблемы национальных меньшинств?..

С трудом вспоминаю, как я зачитывал 5 октября свои тезисы. Видок у меня в те минуты был, похоже, еще тот. Во всяком случае, в перерыве ко мне подошел незнакомый пожилой человек, который принялся меня успокаивать. Как оказалось, это был виднейший специалист в области механики и прикладной математики, академик Никита Николаевич Моисеев. Потрясающие публикации этого знаменитого ученого по проблемам «ядерной зимы» были мне хорошо известны, но в лицо я его тогда не знал.

Н.Н. Моисеев сказал мне в тот страшный день, что не мыслит себе России без немецкого этноса и что история никогда не простит ее правителям, если они допустят его исход или принудительную ассимиляцию. Таких слов из уст человека другой национальности мне больше слышать не доводилось.

Сегодня я знаю, что Моисеев судил о российских немцах не понаслышке: его бабушкой по отцу была Ольга Ивановна фон Шперлинг, дочь профессора Киевского университета, а мать воспитывалась в семье известного строителя железных дорог Николая Карловича фон Мекка.

Но дело отнюдь не только в немецких корнях Н.Н. Моисеева. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть его книгу воспоминаний «Как далеко до завтрашнего дня». Она написана ветераном Великой Отечественной и настоящим русским интеллигентом, для которого благо России и всех ее народов было наивысшей жизненной ценностью. Моисеев страстно любил свою Родину и с нескрываемым презрением относился к тем, кто называл ее «этой страной». Именно такие люди организовали расстрел Белого дома в октябре 93-го, и Моисеев говорил о них тогда, весь кипя от негодования.

Никита Николаевич ушел из жизни в 2000 г., но, прочитав 9 лет спустя его замечательную книгу, я будто вновь услышал живой голос этого незабвенного человека.

Удар восьмой. Уход из «Возрождения» Якова Маурера

Казалось бы, уход со штатной работы в «Возрождении» Якова Маурера никак не может стоять в одном ряду с теми политическими катаклизмами, о которых у нас только что шла речь. В действительности, однако, потеря нашего лидера стала для «Возрождения» непоправимым ударом, всю тяжесть которого многие из нас осознали только с годами. Мне в этом отношении было проще: я проработал бок о бок с Маурером более 5 лет и хорошо понимал значимость его личности для нашего национального движения.

С другой стороны, я здесь, конечно, далеко не беспристрастный свидетель – ведь среди лидеров «Возрождения» Яков был моим единственным близким другом. Правда, к числу моих друзей принадлежал и Герхард Вольтер, автор знаменитой «Зоны полного покоя», но он годился мне в отцы и прожил совершенно другую жизнь. Напротив, с Яковом нас ничто не разделяло: почти ровесники, родители – выходцы из соседних

кантонов АССР Немцев Поволжья, оба родились и выросли в Кузбассе, одновременно учились на математических факультетах сибирских университетов, а позже преподавали.

Как упомянуто в моей книге, мы с Маурером познакомились ровно 20 лет назад, в июле 1989 г., а с марта 91-го, когда я пришел в штаб-квартиру «Возрождения», стали товарищами по работе. Я сразу же проникся к нему глубокой человеческой симпатией, но близко узнал его только со временем – до конца 1992 г. наши служебные обязанности в штаб-квартире имели слишком мало точек соприкосновения.

Однако уже в первые месяцы совместной работы мне стало очевидно, что за внешней уравновешенностью Маурера скрывается очень сильный темперамент. По крайней мере, дважды за это время он буквально взрывался. Причем оба раза – на 2-м этапе I съезда немцев СССР в октябре 1991 г. и на нашем вышеупомянутом заседании 22 января 1992 г. – это была реакция на возмутительную, по мнению Якова, позицию германских гостей. Я полностью разделял его чувства, однако в силу другого темперамента реагировал в этих случаях гораздо сдержанней.

В 1992 г., после распада СССР, нам стало ясно, что центр тяжести нашей работы нужно переносить с общесоюзного на российский уровень. Одним из первых это осознал именно Яков, и мы решили, что он и должен взвалить на себя новую ношу. Российское общество «Возрождение» было создано еще в мае 1991 г., но в течение 1,5 лет существовало в основном на бумаге. В ноябре 1992 г. мы провели в Омске II конференцию Общества, на которой заранее наметили избрать его председателем Я. Маурера, а заместителем – меня.

Однако при выдвижении кандидатур на конференции произошел инцидент, едва не рассоривший нас с Яковым (не исключая, что зачинщики как раз на это и рассчитывали). После Маурера в председатели был выдвинут наш полусоюзник-полупротивник В. Бауэр, который предложил баллотироваться в качестве своего заместителя опять же мне.

Времени для раздумий у меня не было, да и посоветоваться с кем-то, сидя в президиуме, я не мог. Мгновенно оценив ситуацию, я согласился с предложением Бауэра. Кажется, ни один мой поступок за время работы в «Возрождении» не вызвал столько кривотолков, в т.ч. среди моих ближайших товарищей. Я много раз объяснял им мотивы своего нестандартного шага, но некоторые, по-моему, их так и не восприняли.

Должен сказать, что предложение В. Бауэра стало полной неожиданностью и для меня, однако подоплеку этой акции я уловил тотчас. Небольшая группа делегатов конференции с самого начала попыталась расколоть фактически заново созданное Общество – точно так же, как до и после этого различные политиканы и интриганы раскалывали другие наши структуры.

Вслед за выдвижением кандидатуры Маурера в паре со мной из зала, как по команде, раздались голоса: дескать, вы там, в штаб-квартире, всё уже предрешили и теперь хотите поставить нас перед фактом. В общем, кое-кто явно жаждал придать нашей конференции скандальный характер. После моего демарша крикуны приумолкли – мотив заранее проштампованных персональных решений иссяк сам собой.

Все прекрасно понимали, что В. Бауэр, являясь в то время заместителем губернатора Томской области, ни за что не променяет свой высокий пост на штатную работу в нашем Обществе. В случае его избрания вместе со мной «тащить воз» пришлось бы, конечно, мне, следуя телефонным указаниям из Томска, чего мне хотелось меньше всего. Но еще хуже было то, что в этой ситуации Бауэр мог бы бесконтрольно выступать от имени российского «Возрождения». Этого, памятуя о его «антивозрожденческой» деятельности в 1990-91 гг., я не мог допустить ни в коем случае.

К несчастью для интриганов и скандалистов, они оценили ситуацию абсолютно неверно. Им, далеким от жизни «Возрождения», показалось, что мое решение может склонить чашу весов в пользу Бауэра. Это, на мой взгляд, было полностью исключено. Трудяга Маурер пользовался среди основной массы делегатов гораздо большим

авторитетом, чем «свадебный генерал» Бауэр, – независимо от того, кто выдвигался при этом на посты заместителей.

Мой прогноз подтвердился – Я. Маурер был избран председателем Общества значительным большинством голосов. После этого у наших смутьянов надолго исчезла охота раскалывать российское «Возрождение». Вторая подобная попытка была предпринята только в 1997 г., когда Яков уже жил в Германии.

После этих передряг в наших отношениях с Маурером какое-то время сквозила определенная настороженность. Но она быстро исчезла – начав работать в «связке», мы намного лучше узнали друг друга. Так, я очень скоро понял, что избрание Якова было редкостной удачей для российского «Возрождения».

Прежде всего, Маурер взялся за одну из самых актуальных, но и трудных задач – консолидацию региональных и местных структур «Возрождения», укрепление их связей с нашей штаб-квартирой. Должен признать, что эта сфера нашей деятельности находилась к тому моменту в весьма запущенном состоянии. Тогдашние глобальные потрясения нас буквально захлестнули, мы едва успевали как-то на них реагировать. Во многих наших местных структурах, лишившихся регулярных контактов с нами и друг с другом, возникли разброд и шатания.

В 1992 г. мы провели в Москве два крупных форума – II съезд немцев бывшего СССР и V конференцию «Возрождения», однако они оба отличались повышенной нервозностью и, я бы сказал, заметной хаотичностью. Наряду с чрезвычайной политической ситуацией того периода, это объясняется тем, что перед структурами «Возрождения», которые после развала СССР оказались разделены государственными границами, встали слишком разные проблемы, чтобы их можно было предметно и спокойно обсуждать на одних и тех же съездах или конференциях. Вполне понятно, что такие форумы мало чем могли помочь нашим активистам с мест в их каждодневной деятельности.

Чтобы переломить эти деструктивные тенденции, нужно было в первую очередь наладить регулярные контакты с местными структурами российского «Возрождения». Основную роль в этой кропотливой трудоемкой работе сыграла Людмила Маурер, жена и верная соратница Якова еще со студенческих времен, которая пришла в нашу штаб-квартиру в начале 1993 г.

Аналогичным целям послужил наш информационный листок «Видергебурт», созданный по инициативе Я. Маурера в 1994 г. Несмотря на понятные проблемы с распространением этого издания (в то время ведь еще не было электронной почты), листок, по мнению многих наших активистов, стал для них серьезной объединяющей силой. Поначалу изданием листка занимался в основном сам Яков при участии Г. Вольтера. Позднее в эту работу включились Эрнст Вольф, Эдуард Бернгардт и я. Рассылку нашего издания обеспечивал главным образом Вильгельм Либерт.

По прошествии лет могу признать, что участие в издании листка «Видергебург» было одним из моих самых любимых занятий за время работы в «Возрождении», хотя я никогда не имел отношения к журналистике. С отъездом Маурера в Германию наш листок исправно выходил и рассылался еще почти 2 года. Это, увы, один из немногих примеров, когда нам удавалось достойно продолжить начинания Якова уже без него.

Не могу не отметить и то, что конференции российского «Возрождения», проведенные под руководством Я. Маурера, проходили в гораздо более деловом и конструктивном духе, чем аналогичные мероприятия нашего всесоюзного Общества. Отчасти этому способствовало, конечно, и то, что на сей раз, как я упоминал, нам удалось избежать внутреннего раскола.

Другая важнейшая проблема, вставшая перед российским «Возрождением», – это налаживание взаимодействия с властными структурами, в первую очередь – с Департаментом по делам российских немцев, функционировавшим под разными названиями в составе Миннаца России с 1991 г.

По причинам, о которых я уже писал, в 1992 г. мы фактически оказались с российскими и прочими властями в состоянии «холодной войны». Убежден, что ни один из тогдашних лидеров «Возрождения», кроме Я. Маурера, не смог бы хоть в какой-то мере выправить это нетерпимое положение.

Яков обладал редкостным сочетанием качеств, позволивших ему справиться с этой труднейшей задачей. Назову только некоторые из них: принципиальность в подходе к нашим национальным проблемам и умение отделять в них главное от второстепенного, аналитический ум и находчивость, упорство и гибкость, личное обаяние и способность выслушивать собеседника, выдержка и терпимость к взглядам оппонентов.

В итоге Я. Мауреру удалось при нашем содействии добиться за 2 года, казалось бы, невозможного. В ноябре 1994 г. вышел приказ министра по делам национальностей РФ о подготовке нами программы решения проблем немцев России, а в мае 1995 г. необходимость разработки такой программы была подтверждена Межправительственной Российско-Германской комиссией.

Наш документ, получивший название «Федеральная комплексная программа становления и развития сообщества немцев Российской Федерации», был в ноябре 1995 г. представлен в Миннац РФ, а в июле 1996 г., после необходимой доработки, издан отдельной брошюрой.

Согласившись на разработку этой программы, российские власти, тем не менее, откровенно саботировали ее реализацию. Никакого содействия в этом отношении не оказали нам и власти Германии, также санкционировавшие подготовку программы. В результате этот документ незаслуженно забыт, однако значимость его, на мой взгляд, такова, что он требует хотя бы небольшого отдельного рассказа.

Прежде всего, отмечу, что это единственная федеральная комплексная программа по российским немцам, разработанная их полномочными представителями. Для меня очевидно, что пара программ, принятых на сей счет властными структурами России в обход самих российских немцев, не идет ни в какое сравнение с нашей ни по масштабности своих целей и задач, ни по глубине проработки затронутых проблем.

Поскольку здесь не место вдаваться в детали, скажу только, что наша программа предусматривала решение узловых национальных проблем с помощью многообразных механизмов самоорганизации. Поэтому мы нередко называли ее Программой самоорганизации немцев России.

Нашу программу подготовила рабочая группа во главе с Эрнстом Вольфом, основным разработчиком текста программы был Георгий Бауэр, а пояснительной записки к ней – автор этих строк.

Тем не менее, если персонифицировать наш документ, то я бы назвал его программой Маурера. Думаю, без Якова такая программа вообще не была бы разработана. Он, не входя формально в рабочую группу, был для ее деятельности незаменим. Я. Маурер являлся и инициатором подготовки программы, и генератором ее основных идей, и организатором всей нашей работы.

Задним числом я не раз слышал от сотрудников Миннаца, что им показалась интересной только пояснительная записка, подготовленная мной, но не сама программа. Этот сомнительный «комплимент» я категорически отвергаю – уже потому, что пояснительная записка к любой программе является вторичным, а не первичным документом.

Правда, в данном случае я вышел за традиционные рамки и не только прокомментировал текст программы, но и представил краткий экскурс в историю российских немцев, включая их демографическое и правовое положение. Причина проста: я знал, что российские чиновники практически не имеют понятия об истории нашего народа, и хотел дать им определенное представление на сей счет. Рад, если помог пополнить багаж знаний кому-то из них, хотя по печальной судьбе нашей программы я этого, честно говоря, не ощутил.

С весны 1993 г. стал отходить от дел в нашей штаб-квартире первый лидер национального движения российских немцев Генрих Гроут. В декабре 93-го он официально подал в отставку со своих руководящих постов. Учитывая множество инсинуаций, появившихся в свое время по этому поводу, хочу подчеркнуть: решение об отставке принял сам Генрих. Мы, его многолетние соратники, проявили инициативу только в том плане, что недвусмысленно дали понять Гроуту: он должен либо продолжить активную работу в штатном режиме, либо уступить свое место другим.

В «Прощальном взлете» я уже попытался осветить громадную роль Г. Гроута в нашем национальном движении, начиная с 1988 г. Что же касается мотивов его отставки в 1993 г., то их, думаю, никто не изложит лучше самого Гроута. Я очень рад, что Генрих наконец-то засел за книгу воспоминаний. Надеюсь, что в ней найдется место и для прояснения этого немаловажного вопроса.

К моменту отставки Гроута практически ни у кого из сотрудников нашей штаб-квартиры уже не было сомнений в том, что достойно заменить его может только Яков Маурер. Поэтому вполне естественно, что Маурер был единодушно избран на те посты, которые до этого занимал Гроут, – председателем Межгосударственного Совета российских немцев (МГСН) и Совета немцев России (СНР). При этом Яков продолжал возглавлять и российское «Возрождение».

Противники «Возрождения» очень любили язвить по поводу совмещения руководящих постов в наших структурах. Повторю то, о чем писал по этому поводу в «Прощальном взлете»: смешно говорить о «концентрации власти» в общественной структуре, где власти не может быть по определению.

Ни к какой «власти» не рвался, естественно, и Я. Маурер. Новые посты могли принести ему только дополнительную головную боль, и он согласился занять их исключительно потому, что никогда не уклонялся от тех обязанностей, которые сваливались на него в нашем национальном движении.

После этого Маурер был нашим лидером еще почти 2,5 года. Однако все, как известно, имеет начало и конец. Накануне 1996 г. Яков сообщил нам, что намерен вскоре выехать в Германию. Его было нетрудно понять: он один в нашей штаб-квартире нес все тяготы работы и жизни вместе с семьей – женой и малолетним сыном Сашей. По правде говоря, меня удивило не столько намерение Якова уехать и, тем самым, создать нормальные условия для семейной жизни, сколько то, что он не сделал этого в течение долгих 3,5 лет.

Прощаясь со своими друзьями в мае 1996 г., я напутствовал их строками А. Галича, приведенными в «Прощальном взлете»:

Уезжаете? Уезжайте –
За таможни и облака!
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука.
Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете? Воля ваша!
Значит, так посему и быть!

Не скрою, мне было нестерпимо горько – не только потому, что я расставался с близким другом. Для меня, как и большинства моих товарищей по «Возрождению», было совершенно ясно: Якова Маурера нам не заменит никто – просто потому, что таких людей очень мало.

После отъезда Я. Маурера его посты в МГСН и СНР занял Эрнст Вольф – ветеран «Возрождения», грамотный и добросовестный человек, глубоко преданный нашему национальному движению. А в июле 1997 г. преемником Маурера в российском «Возрождении» стал я. Мы с Эрнстом и другими сотрудниками штаб-квартиры старались делать все, что было в наших силах, но восполнить потерю Якова, увы, так и не смогли.

Удар девятый. Президентские выборы 1996 г. в России

Коснувшись президентских выборов 1996 г., я писал в «Прощальном взлете», что «нам устроили очередные выборы без выбора». «Очередные» – поскольку таковыми были и первые в истории России (тогда еще РСФСР) президентские выборы в 1991 г.

В тот раз на высокий пост претендовали, в частности, бывший союзный премьер Н. Рыжков, бывший союзный министр, мой земляк по Киселевску В. Бакатин, генерал-«консерватор» А. Макашов. Большинство избирателей хотело тогда обновления России, проведения давно назревших социально-экономических реформ, но как раз этого от перечисленных кандидатов ожидать не приходилось.

Еще два кандидата – «либерал-демократ» В. Жириновский и мой кемеровский знакомый, популист А. Тулеев – были мало известны широкому избирателю. Однако именно это им и помогло – ведь на таких «темных лошадках» нередко возлагают повышенные надежды на выборах. В результате они заняли соответственно 3-е и 4-е место – для них это был блестящий результат.

Но никто из перечисленных кандидатов не смог всерьез соперничать с Б. Ельциным, всенародно прославленным опальным партбоссом, вышедшим недавно из КПСС. Лучшую характеристику по тем временам было придумать трудно, и Ельцин набрал более половины голосов, далеко опередив всех соперников. Таким образом, серьезной борьбы на выборах 1991 г. фактически не было, а победа Ельцина явилась итогом типичного протестного голосования.

Это, правда, не означает, что подобными мотивами руководствовались все проголосовавшие за Ельцина. К примеру, наше Общество «Возрождение», призвав голосовать за него на своей IV конференции в мае 1991 г., исходило из совсем иных соображений. В своем докладе на II съезде немцев бывшего СССР в марте 1992 г. я говорил по этому поводу: «Мы исходили из того, что подпись Ельцина стоит под Законом о реабилитации и, следовательно, он так или иначе будет вынужден занять определенную позицию в вопросе восстановления Республики на Волге».

Как мы видели, именно это Ельцин и сделал в январе 1992 г. в своей погромной речи на территории бывшей АССР НП. Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Во всяком случае, наша тогдашняя сознательная позиция – это все-таки лучше, чем выбор «методом исключения».

Сегодня в это трудно поверить, но в 91-м пресловутые пиар-акции мало повлияли на итоги голосования. Всесоюзные СМИ, находившиеся под контролем Горбачева, конечно, поносили его политического конкурента Ельцина, но это принесло, скорее, обратные результаты – авторитет президента СССР в народе был на тот момент уже «ниже плинтуса». А местные СМИ еще не везде держали ситуацию под контролем. Скажем, на предвыборной передаче Кемеровского телевидения выступали не только посланцы главы облминистрации Тулеева, но и сторонники Ельцина, среди которых был и я.

К 1996 г. изменилось практически все, не считая только принципа «выборы без выбора». Точнее говоря, на сей раз выбор откровенно производился за спинами избирателей. Одними из первых в это дело включились российские олигархи, сговорившись на Давосском экономическом форуме в феврале 1996 г. «проголосовать» за Ельцина «своими» капиталами. Этих нуворишей было легко понять: избрание любого другого кандидата угрожало хотя бы частичным пересмотром итогов грабительской ельцинско-чубайсовской приватизации.

Олигархического «общака» хватило, чтобы «вздуать» практически нулевой рейтинг Ельцина до двухзначных цифр. Но до полной уверенности в победе «отца российской демократии» было, тем не менее, еще далеко. Пришлось призвать на подмогу «общественность».

Об этом процессе мне известно не понаслышке, т.к. на нас вышли представители «Общероссийского движения общественности в поддержку Президента Б.Н. Ельцина» (ОДОПП), которое возглавил С. Филатов, в недавнем прошлом – глава президентской администрации.

Если мне не изменяет память, они связались с нами через нашего давнего знакомца В. Бауэра, который к тому моменту успел перебраться из Томска в Москву, побывать депутатом и даже председателем комитета Госдумы, а в ОДОПП подвизался в роли руководителя орготдела. Кстати, слово «давнего» в данном случае уместно вдвойне: я помню Бауэра с далекого 1967 г., когда он был вратарем нашей киселевской футбольной команды «Шахтер».

23 мая 1996 г. мы направили Филатову открытое письмо с изложением нашей позиции в отношении предстоящих президентских выборов, которое опубликовано в книге «Десять лет в "Возрождении"». В письме выражалась убежденность, что переломить глубоко негативное отношение российских немцев к кандидатуре Ельцина можно лишь с помощью двух факторов: «Во-первых, Президенту, безусловно, следовало бы извиниться за свое выступление в Поволжье. Во-вторых, глава государства должен, наконец, продемонстрировать политическую волю к решению проблем репрессированных народов».

Пояснив, какие конкретные проблемы имеются в виду, мы отметили, что хотели бы для начала узнать соображения руководства ОДОПП по поводу возможностей их решения. Письмо завершалось фразой: «После этого и могло бы выявиться, возможно ли участие основных организаций российских немцев в деятельности ОДОПП и в избирательной кампании Б. Ельцина». Филатовская структура, естественно, отмолчалась – это было никакое не «общероссийское движение общественности», а контора для сколачивания проельцинской избирательной «клаки».

В этом я воочию убедился 28 мая, когда посетил по приглашению ОДОПП некое собрание, представленное как Всероссийская конференция «Диаспорные народы, государство и общество». С учетом солидного названия мероприятия я подготовил к нему доклад «Проблемы российских немцев в постсоветском обществе», также опубликованный в книге «Десять лет в "Возрождении"».

Однако о проблемах диаспорных народов, а уж тем более российских немцев организаторы не захотели и слышать. «Всероссийская конференция» свелась к нудной речи С. Филатова о «свершениях» российских властей в области национальной политики и к нескольким выступлениям в поддержку Ельцина, явно отрететированным заранее.

Ни до, ни после этого ОДОПП ничем особо примечательным себя не проявило. Накануне президентских выборов громогласно правили бал совсем другие структуры – целая свора пиарщиков, вскормленных олигархической «складчиной». Они буквально затопили российские электронные СМИ визгливыми проельцинскими и антизюгановскими лозунгами.

Но «вершиной» их деятельности стала, пожалуй, бесплатная еженедельная газета «Не дай Бог!», издававшаяся тиражом 10 миллионов(!) экземпляров. Господь был всеу помянут в этом названии, естественно, в пику лидеру КПРФ Зюганову, основному сопернику Ельцина на выборах.

Какие только ужасники ни предрекала эта газетенка в случае победы Зюганова – и гражданскую войну, и массовые аресты с расстрелами, и голод (можно подумать, что в ельцинской России население пребывало исключительно в блаженной сытости). И, наконец, главная «изюминка» – сравнение Зюганова с ... Гитлером. Одна из статей ельцинистского бульварного листка так и называлась – «Зюг хайль».

Вся эта стряпня была явно рассчитана на уровень умственно отсталых недорослей. Какой зрелый нормальный человек мог представить себе превращение бесцветного и осторожного партаппаратчика Зюганова в кровавого тирана?

Мне могут возразить, что подобную метаморфозу проделал когда-то не кто иной, как тов. Сталин. Для меня это тоже не секрет, но мне известно и то, что сталинизм в его «классическом» варианте произрос на вполне определенной социально-экономической почве, которой в России давным-давно нет.

При всем своем неприятии коммунизма и КПРФ я считал и считаю, что никаких катастрофических последствий президентство Г. Зюганова иметь не могло. Возможно, при нем попытались бы ликвидировать некоторые элементы ельцинско-гайдаровской «рыночной экономики», частично реанимировать коммунистическую идеологию, ужесточить отношения с Западом, но – не более того. Иначе говоря – сделать примерно то же, что в недалеком будущем совершил ельцинский преемник В. Путин. Хорошего тут, конечно, мало, но это уж точно не катастрофа.

Фигура Г. Зюганова настораживала меня в совершенно ином плане: его предвыборная программа явно не сулила России превращения в нормальное цивилизованное государство. Впрочем, то же самое можно было сказать и о программах других основных претендентов – и Б. Ельцина, и А. Лебеда, и В. Жириновского. Некоторым исключением в этом плане был лишь Г. Явлинский, но и его программа во многих отношениях (к примеру, в сфере национальной политики) выглядела далеко не убедительно.

Это и означает, что в 1996 г. нам навязали президентские выборы без выбора. С тех пор российские президенты избирались уже трижды, но и на этих выборах мы всякий раз наблюдали не серьезную конкуренцию, а всевозможные манипуляции, демагогию и политическое бесплодие.

Разница только в том, что в ходе выборов 96-го были в последний раз предприняты массированные пиар-акции в области национальной политики: 6 июня 1996 г. принимается Указ Ельцина «О дополнительных мерах по обеспечению реабилитации российских немцев», 15 июня – его Указ «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», а 17 июня Ельцин утвердил Федеральный закон «О национально-культурной автономии».

Примечательно, что последняя акция состоялась уже после 1-го тура президентских выборов, который прошел 16 июня. В этом был прямой резон: безудержное «накачивание» предвыборного рейтинга Президента позволила Ельцину всего лишь прийти к финишу 1-го тура «ноздря в ноздю» с Зюгановым. 3 июля предстоял 2-й тур выборов, и Ельцин предусмотрительно приберег «приманку» и на этот случай.

Не берусь судить, в какой мере эти пиар-акции позволили Ельцину, наконец, одолеть Зюганова во 2-м туре. Известно, однако, что российские народы приобрели от этой очередной пиар-кампании очень мало. В этом плане можно упомянуть разве что «федеральную целевую программу развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев», разработанную в соответствии с ельцинским Указом от 6 июня.

Однако Ельцин не был бы Ельциным, если бы и эта программа не оказалась «мыльным пузырем», практически не обеспеченным финансовыми ресурсами. Впрочем, и при преемниках Ельцина дела складывались в этом отношении ничуть не лучше.

Удар десятый. Конец штаб-квартиры «Возрождения»

Наша штаб-квартира была создана в начале 1990 г., когда лидеры «Возрождения» во главе с Г. Гроутом пришли к выводу, что Обществу для его продуктивной деятельности нужен постоянный офис в Москве, и арендовали с этой целью небольшую двухкомнатную квартиру на Шелепихинской набережной. С тех пор штаб-квартире пришлось сменить немало мест в столице и ближнем Подмосковье: Шелепиха (1990) – Лианозово (1992) – Валуево (1992) – Люберцы (1994) – гостиница «Севастопольская» (1994) – гостиница «Москвич» (1996).

Офису в гостинице «Москвич» было суждено стать нашей последней штаб-квартирой. Мы съехали оттуда летом 1998 г., и этот момент я считаю началом конца штаб-квартиры «Возрождения». После этого наша деятельность продолжалась еще около года, но теперь мы, немногие оставшиеся сотрудники, жили и работали в разных местах: Э. Вольф и В. Либерт – на одной квартире, я – на другой.

Если принять за точки отсчета начало 1990 г. и апрель 1999 г., когда в подмосковной Мамонтовке прошло последнее заседание правления российского Общества «Видергебурт» («Возрождение»), то наша штаб-квартира просуществовала более 9 лет.

Когда я попытался подсчитать, сколько времени проработали в штаб-квартире ее отдельные сотрудники, то с некоторым удивлением обнаружил, что «рекорд» в этом плане принадлежит мне самому – более 8 лет, начиная с марта 1991 г. Чуть меньше стаж у Вильгельма Либерта, которого в начале лета 1991 г. принимал на работу уже я. Около 6 лет отдали штаб-квартире Яков Маурер и Эдуард Бернгардт, 5 лет – Герхард Вольтер, более 4-х лет – Альма Эглит и Герман Эрнст, почти 4 года – Генрих Гроут, более 3-х лет – Эрнст Вольф, Людмила Маурер, Владимир Шауэрман, Александр Браун и Татьяна Савушкина (Уберт).

Надеюсь, мне простят, если я за давностью лет что-то перепутал или не упомянул кого-нибудь из «старожилов» штаб-квартиры. Прошу прощения и у остальных наших сотрудников, времени работы которых я, к сожалению, уже не помню.

Среди всех офисов, которые сменила штаб-квартира, наиболее памятным был, конечно же, самый первый – наша знаменитая Шелепиха. Мы пробыли там около 2-х лет, в т.ч. год с моим участием. На Шелепихе царила невероятная теснота, но тот период нашей деятельности был самым романтическим и, пожалуй, успешным. Моим спальным, а зачастую и рабочим местом на Шелепихе был верхний «этаж» двухъярусной деревянной кровати, оставленной в квартире ее хозяевами. Подо мной чаще других располагался Г. Вольтер.

Помнится, он не раз говорил, что наша Шелепиха заслуживает отдельной книги. Написать ее, мне кажется, было бы под силу только самому Герхарду, но он скоропостижно скончался, едва успев завершить даже главную книгу своей жизни – «Зону полного покоя».

Однажды в мою бытность Шелепиху посетила группа корреспондентов из Японии. С точки зрения европейских, а тем более американских стандартов японские квартиры и даже офисы считаются, как известно, далеко не фешенебельными. Но увиденное на Шелепихе японцев глубоко поразило. Они долго цокали языками и фотографировали нас на нашей двухъярусной кровати.

Из остальных мест штаб-квартиры наиболее удачными с точки зрения условий для работы и жизни были офисы в Валуево и гостинице «Москвич». В Валуево мы даже занимали целый корпус в бывшем элитном пионерлагере. Увы, это место находилось слишком далеко от центра Москвы, да и аренда корпуса оказалась нам не по карману. Посему мы вынуждены были покинуть уютное Валуево уже через 1,5 года.

Организаторам общественно-политической деятельности хорошо известно, что она требует больших затрат и сама по себе не приносит прибыли. Попытки заниматься политикой и коммерцией под одной «крышей», как правило, успешными не бывают – это слишком разные сферы деятельности. Посему общественно-политическая деятельность требует постоянного внешнего финансирования.

Не могу себе представить, каким образом существуют политические партии и общественные организации в сегодняшней Москве, где любая аренда требует совершенно немислимых затрат. Нам в этом плане было, конечно, проще. Однако у нас имелись свои головоломные финансовые проблемы.

При Сталине российских немцев, как известно, насильственно рассеяли по громадной территории СССР, и потому любые наши форумы с участием местных

активистов, что называется, влетали в копеечку. Очень дорого обходилось и само содержание штаб-квартиры «Возрождения» – ведь практически все ее сотрудники проживали вдалеке от Москвы и работали у нас «вахтовым методом», т.к. не могли подолгу жить в отрыве от своих семей, остававшихся дома.

Все эти труднейшие проблемы не были, естественно, секретом и для германских властей, с самого начала внимательно следивших за нашей деятельностью. Осенью 1992 г. представители команды Х. Ваффеншмидта неожиданно сообщили нам, что готовы финансировать работу нашей штаб-квартиры.

Подчеркну: речь шла отнюдь не об общественной организации «Возрождение», а об общенациональном представительном органе – Межгосударственном Совете российских немцев (МГСН), который формировался нашими съездами, чье проведение поддерживалось германской стороной. С марта 1991 г., когда был создан МГСН, он функционировал под крышей штаб-квартиры «Возрождения»: эти структуры, имея совершенно разный принцип формирования, во многом возглавлялись одними и теми же людьми. Так получилось просто потому, что члены «Возрождения» составляли подавляющее большинство делегатов наших съездов.

Финансовые вопросы никогда не входили в сферу моих должностных обязанностей в штаб-квартире. Поэтому я могу только предполагать, чем руководствовались посланцы Германии, согласившись финансировать нашу деятельность. Думаю, они учли при этом и тяжесть проблемы российских немцев, и значимость самостоятельных общественно-политических структур для ее разрешения, и необходимость консолидации нашего насильственно разделенного народа, и – не в последнюю очередь – определенное взаимопонимание, достигнутое к концу 1992 г. между германской стороной и нами.

И мне, и многим нашим активистам были с самого начала ясны как очевидные плюсы, так и немалые минусы решения, принятого в Германии.

Главный плюс состоял в том, что без внешнего финансирования мы, в лучшем случае, могли продолжать нашу деятельность только в узких «шелепихинских» рамках, а в худшем – были вынуждены свернуть ее совсем. Напомню при этом, что к концу 1992 г., в условиях грабительской «рыночной экономики», все цены в России и странах СНГ взлетели на головокружительную высоту.

Основным минусом могло показаться то обстоятельство, что теперь мы были вынуждены подстраивать всю нашу деятельность под позиции германской стороны. Это, к счастью, далеко не так, в чем нетрудно убедиться, если прочесть, к примеру, мою книгу «Десять лет в "Возрождении"». Однако минусом являлось уже то, что структуры, созданные и действующие на территории бывшего СССР, намеревалось финансировать зарубежное государство. В глазах российских чиновников этого факта было вполне достаточно, чтобы относиться к нашей деятельности с подозрением. Но главное – новое решение могло быть в любой момент отменено точно так же, как оно принималось, и тогда мы оказывались «на мели».

Так оно, в конечном итоге, и получилось: весной 1998 г. представители германских властей дали нам понять, что больше не намерены финансировать деятельность нашей штаб-квартиры. Предлог был выдвинут, казалось бы, вполне пристойный. В Москве предстояло открытие Российско-Немецкого дома, где выделялись помещения для центральных офисов основных организаций немцев России. Там же было место для проведения наших мероприятий – правда, не очень многочисленных.

Все это могло бы звучать хорошо и мило, если бы не большое «но»: наши расходы далеко не исчерпывались арендой офисов или залов. Львиную долю составляли совсем другие затраты – на проезд делегатов наших форумов до Москвы и назад, на наши поездки в регионы, наконец – на само функционирование московской штаб-квартиры «Возрождения». Ответ германских чиновников был предельно прост: учитесь содержать себя сами, обходясь без помощи извне.

Обо всем этом прямым текстом сказал нам Клаус Пёле – близкий сотрудник Х. Ваффеншмидта и, пожалуй, самый дипломатичный человек в его команде. Не придумав ничего лучшего, Пёле привел нам в пример немцев Румынии, которые, дескать, уже научились всем этим вещам. Слышать все это было и унижительно, и поразительно, и возмутительно.

В своем интервью газете «Нойес Лебен» в июне 1998 г., опубликованном в книге «Десять лет в "Возрождении"», я так прокомментировал эти «откровения» К. Пёле: «...во-первых, в Румынии немцев осталось совсем мало – те, кто мог, уехали в ту же Германию. Во-вторых, расстояния, почтово-телеграфные расходы и транспортные затраты там совершенно несопоставимы с нашими. Г-н Пёле забывает, что основная масса российских немцев живет в Сибири. Не мы их туда посылали, и не от хорошей жизни мы, штатные работники российского общества «Видергебурт», размещаемся в Москве. Мы могли бы безболезненно для себя перебраться и в Новосибирск, и в Барнаул, если бы оттуда можно было поддерживать реальные контакты с федеральными властями. Но ведь они находятся здесь, в Москве! А любая поездка, командировка из Москвы в Сибирь и назад известно во что обходятся...»

Далее я, признаться, махнул рукой на дипломатию и достаточно резко высказался о политике Германии в отношении немцев стран СНГ, чего обычно себе не позволял: «Байками и сказками можно заболтать и замазать любую проблему. При личном общении с немцами Чехии, Польши, Румынии и других стран Восточной Европы (о Западной Европе я уже не говорю) мы – обе стороны – всегда приходили к выводу, что таких проблем, как у нас, даже близко нет и никогда не было в этих странах. Об этой разительной специфике в Германии забывают».

Слова – словами, но дело было уже сделано. В начале сентября 1998 г. в Москве прошла помпезная церемония открытия Российско-Немецкого дома, в которой участвовал сам президент Германии Р. Герцог. Но еще до этого из Фатерланда перестали выделять средства на содержание нашей штаб-квартиры, и мы, как я уже писал, были вынуждены разъехаться.

Сегодня, когда тогдашние страсти давно улеглись, я не могу не выразить признательность правительству ФРГ, которое в течение 5,5 лет финансировало нашу деятельность. Теперь мне более ясны и мотивы прекращения этой помощи в 1998 г. – к тому моменту Германия стала все явственней сворачивать любые формы содействия немцам, еще живущим в СНГ. Не хочу обсуждать эту неприглядную тенденцию, а, тем более, морализировать по ее поводу: уже мои родители научили меня, что считать деньги в чужих карманах у российских немцев не принято.

По прошествии лет мне непонятно одно: зачем германским чиновникам понадобилось в 1998 г. делать хорошую мину при весьма неважной игре и рассказывать нам всякую чушь? Неужели мы не заслужили с их стороны даже нормального человеческого разговора по проблеме, которой отдали годы и годы своей жизни?

Мне могут сказать: г-н Пёле всего лишь облек неблагоприятное официальное решение в ту форму, которая принята в чиновной среде. Но в таком случае я прихожу к выводу, что чиновники любой страны – это совершенно особая человеческая порода, имеющая очень мало общего с обычными людьми.

Аналогичный феномен подметил в несколько иной сфере сам тов. Сталин: «Мы, коммунисты, – люди особого склада. Мы скроены из особого материала». Если Корифей всех наук был прав и на сей раз, то получается, что чиновники и коммунисты – это нечто вроде молочных братьев.

Завершая свое повествование об ударах разного характера и различной силы, разрушивших Общество «Возрождение» – единственную массовую общественную организацию за всю историю российских немцев, я не буду подводить итоги нашей деятельности. Такая попытка уже предпринята мной в вышеупомянутом докладе, к

которому я и отсылаю своих читателей. Там же можно прочесть о том, что «Возрождение» было надломлено не только внешними ударами, но и нашими собственными просчетами.

Со временем появляется все больше любителей порассуждать об ошибках «Возрождения» и наших лидеров, включая, естественно, и меня. Я с пониманием отношусь к таким высказываниям и готов обсуждать эти проблемы – с людьми, которые так или иначе участвовали в нашей деятельности или хотя бы интересовались ею. Но с теми, кто ничего не желает знать о «Возрождении» и просто использует его подлинные или мнимые недочеты для упражнений в зубоскальстве, мне говорить не о чем.

В почитаемом мною польском языке есть известное изречение «nieobecny nie ma gascji», что можно перевести, как «отсутствующий не имеет права голоса». Поэтесса Анна Ахматова выражала аналогичную мысль несколько иначе: «Вас здесь не стояло». По моему, точнее не скажешь.

Приложение

О национальном движении российских немцев в 1989 – 1993 гг.

Наше национальное движение конца 80-х – начала 90-х гг. можно без преувеличения назвать уникальным явлением в истории российских немцев. Заметные общественные движения, возникавшие в нашей среде прежде (например, в начале XX века, в т. ч. наиболее известное из них – движение российских немцев в 1917 г.), не идут с ним в сравнение ни по своей массовости, ни, тем более, с точки зрения общенационального охвата.

Эти явления стали возможными в конце XX в. благодаря сочетанию двух факторов: с одной стороны, в то время наблюдалось практически всеобщее недовольство российских немцев своим положением и осознание необходимости его коренного изменения, с другой – именно к началу указанного периода в стране, наконец, опять появилась возможность независимой общественно-политической деятельности.

Предмет моего доклада – массовое общенациональное общественно-политическое движение российских немцев. Оно существовало только в указанные годы, отсюда и временные рамки представленного доклада.

Данному периоду непосредственно предшествовал приезд в Москву в 1988 г. трех делегаций российских немцев, деятельность которых во многом подготовила последующий подъем национального движения. После 1993 г. наше движение продолжало существовать, но оно уже не отличалось ни особой массовостью, ни, конечно, общенациональным охватом.

О чем идет речь? Массовость нашего национального движения характеризует тот факт, что в фазе наивысшего подъема (1991 г.) оно насчитывало десятки тысяч активных членов, имело сотни тысяч сочувствующих и просто людей, так или иначе находившихся в его орбите. Точных данных на сей счет, как это обычно и бывает с массовыми общественными движениями, назвать невозможно: во многих наших подразделениях не было строго фиксированного членства.

С другой стороны, движение, несомненно, носило общенациональный характер – его структуры существовали во всех основных регионах массового проживания российских немцев, находившихся в разных союзных республиках СССР, а затем в независимых государствах (Россия, Казахстан, Киргизия, Украина и т. д.).

Формально такой общенациональный характер сохранялся до 1993 г., когда состоялись III съезд российских немцев и учредительная конференция межгосударственного объединения МОН „Видергебург“, пришедшего на смену Всесоюзному обществу советских немцев (ВОСН) „Возрождение“. Однако фактически этот характер стал утрачиваться уже в 1992 г., т. е. сразу же после распада СССР.

На наших общенациональных форумах, проведенных после этого события, представители разных республик гораздо больше говорили о собственных проблемах, чем об общенациональных. Это и понятно: с распадом СССР у нас исчез, если воспользоваться очень точным немецким термином, единый *Ansprechpartner* – сторона, к которой мы в основном и апеллировали со своими требованиями и предложениями. Некоторые надежды, что такую роль сможет сыграть для российских немцев СНГ, не реализовались – оно так и осталось крайне аморфной структурой, начисто лишенной единых властных функций. Теперь мы могли апеллировать только к властям каждой из стран СНГ в отдельности (и, разумеется, к Германии, которая, напротив, объединилась).

Отмечу, что в нашем общественно-политическом движении в рассматриваемый период массовый характер носило только то течение, которое представляли Общество „Видергебурт“ и Межгосударственный Совет российских немцев (МГСН). Остальные наши национальные организации, существовавшие в то время, не были общественно-политическими (Союз в поддержку культуры, Фонд трудармейцев) или массовыми (Союз немцев СССР), либо то и другое вместе, а потому их деятельность выходит за рамки моего доклада, охарактеризованные выше.

Движущие силы. Основной движущей силой нашего национального движения являлась интеллигенция. Точно так же обстояло дело и в других общественно-политических движениях того периода на территории СССР, в т. ч. в национальных.

Как известно, российские немцы десятилетиями подвергались дискриминации в сфере доступа к образованию, а система нашего национального образования была полностью уничтожена еще в 1941 г. Отсюда особенность нашего народа в последние десятилетия – относительно малый слой национальной интеллигенции. С другой, однако, стороны, представители нашей современной интеллигенции – это чаще всего интеллигенты в первом поколении, тесно связанные с широкими народными массами. Это явление послужило важным фактором, придавшим нашему движению невиданную массовость.

Если охарактеризовать социальный состав наших активистов, то я бы выделил следующие основные группы:

1. Техническая интеллигенция – это была самая многочисленная группа.
2. Рабочие, колхозники и служащие – примыкали к предыдущей группе и по уровню образования приближались к интеллигенции. Под служащими я имею в виду и представителей Вооруженных сил, а также МВД – правда, в тот период таковых среди нас было немного.
3. Научно-педагогическая интеллигенция – вторая по численности группа, а в руководящем ядре, безусловно, первая.
4. Художественная интеллигенция – немногочисленная группа, в целом не особо активная в политической сфере.
5. Номенклатура (партийные, советские и хозяйственные руководители) – группа малочисленная и в значительной мере сторонившаяся публичной общественно-политической деятельности.
6. Идеино индифферентные люди – выходцы из различных слоев, искавшие в движении не возможности для реализации национальных целей, а, прежде всего, собственную выгоду.

Что касается возрастного состава наших активистов, то, как я уже писал в своей книге „Прощальный взлет“, основной их костяк составляли представители послевоенных поколений. Были среди нас и ветераны, пережившие трудармию и спецпоселение. Несмотря на свою относительную немногочисленность, они сыграли в нашем движении большую роль, особенно в 1988-90 гг.

Структура движения. Особенностью нынешних российских немцев является очень значительная степень социальной гомогенности (однородности). Поэтому национальные интересы в нашей среде весьма слабо дифференцированы. Я, естественно,

не имею в виду лиц, подвергшихся далеко идущей денационализации: применительно к ним вообще трудно говорить о национальных интересах.

Некоторое исключение с точки зрения интересов составляют лишь представители трех последних из перечисленных групп: идейно индифферентные люди, номенклатура, частично – художественная интеллигенция. Их особые запросы, обусловленные реальным или желаемым социальным статусом, не могут не порождать у них ту или иную степень политического конформизма, что служит идеальной питательной средой для формирования оппозиций в любых общественных движениях.

Что же касается всех остальных российских немцев, составляющих громадное большинство нашего народа, то их представления о национальных целях практически совпадают точно так же, как и объективные национальные интересы. Отсюда высокий уровень единства нашего движения, отсутствие в нем сколько-нибудь массовых оппозиционных течений.

Как я уже отмечал, наше общенациональное общественно-политическое движение представляли в тот период две основные структуры – Общество „Видергебурт“ (с подразделениями в основных республиках и регионах) и МГСН (с 1991 г.), который с 1992 г. взаимодействовал с аналогичными Советами немцев в ряде республик.

Эти структуры принципиально отличались по своему характеру и способу формирования: „Видергебурт“ было типичным общественным объединением, а МГСН являлся общенациональным представительным органом, формируемым на съездах, в избрании делегатов которых в принципе могли участвовать все российские немцы.

Однако власти, сами же инициировавшие проведение этих съездов, отнюдь не желали, чтобы наш народ говорил единым голосом, а потому отказывались признать представительный характер МГСН или признавали его только частично. В результате МГСН был вынужден в значительной мере действовать в рамках, установленных для общественных объединений, и немногим отличался в этом отношении от Общества „Видергебурт“. Это обстоятельство, наряду с естественным единством целей, не могло не обусловить заметного совпадения их руководящего состава, что и давало нашим оппонентам желанный повод для назойливых заведомо ложных утверждений об идентичности „Видергебурт“ и МГСН.

Основные этапы. Наше тогдашнее национальное движение пережило в своем развитии три хорошо различимых этапа: а) март 1989 г. – март 1991 г., б) март – декабрь 1991 г., в) 1992-93 гг.

Первый этап, начавшийся с учредительной конференции ВОСН „Возрождение“, характеризуется почти непрерывным подъемом движения, быстрым ростом численности его участников, созданием низовых структур во все новых регионах. В этот период преобладает оптимизм относительно достижимости целей движения. Наряду с развертыванием деятельности „Возрождения“ идет подготовка первого в истории общенационального съезда российских немцев, в которой ВОСН приняло самое активное участие. Период завершился проведением силами наших активистов первого этапа съезда, в последний момент „отложенного“ союзными властями.

На кратком втором этапе движения, начавшемся после проведения запрещенного съезда, оно, в общем и целом, переживает стагнацию, число его участников перестает расти. Проведение долгожданного съезда не вызвало реальных сдвигов в положении российских немцев. Поскольку они не последовали и после второго этапа съезда (октябрь 1991 г.), на сей раз официально санкционированного властями, нашими соплеменниками стало овладевать нарастающее разочарование. С другой стороны, принимается ряд законодательных актов (прежде всего – Закон РСФСР „О реабилитации репрессированных народов“ от 26.04.1991 г.), отвечавших коренным целям нашего движения; более чем через полвека воссоздается Немецкий район на Алтае. В процессе подготовки съезда наше движение окончательно обрело общенациональный характер,

который в данный период еще сохранялся. Этот этап завершился с развалом СССР в конце 1991 г.

Третий этап знаменуется более или менее быстрым спадом движения. Наряду с исчезновением СССР – единого государства, где продолжали жить российские немцы, не выехавшие в Германию, основным фактором спада послужило откровенное саботирование реабилитации нашего народа властями стран бывшего СССР, особенно ярко проявившееся в провокационном выступлении президента России Б. Ельцина в Поволжье 8.01.1992 г. После всего этого последовало резкое усиление выезда, особенно в Казахстане и Средней Азии, где проживали сотни тысяч российских немцев, большинство из которых оказалось на этой территории в результате насильственной депортации из различных регионов России и Украины. Нарастанию выезда способствовало и вступление в силу в Германии с начала 1993 г. известного Закона о пересмотре законов о последствиях войны. В числе немногих позитивных моментов для наших соплеменников в этот период можно назвать заключение Межправительственного российско-германского соглашения о сотрудничестве двух государств в деле восстановления немецкой автономии на Волге (июль 1992 г.), а также создание Азовского немецкого района в Омской области. На этом этапе движение постепенно утрачивает массовый и общенациональный характер.

Какие результаты принесло движение? Критерием результативности любого общественного движения является реализация его основных целей. Вопреки распространенному мнению, восстановление АССР НП представляло собой, с точки зрения нашего движения, не самоцель, а лишь основное средство для достижения его программных целей (этот тезис особенно четко формулировался нами с 1991 г.). Основной же целью движения являлось обеспечение этнического самосохранения российских немцев, в первую очередь на территории СССР, а затем СНГ.

В этом отношении были достигнуты (конечно, при значительной поддержке германской стороны) немалые результаты, особенно с учетом неблагоприятных тогдашних условий, в частности массового выезда, развернувшегося как раз в период наиболее активной деятельности движения. Впервые после 1941 г. затормозился процесс принудительной ассимиляции нашего народа, произошел всплеск его национального самосознания. Очень многие российские немцы снова ощутили интерес к истории своего народа, к его языку, к собственным корням, потребность в национальной самоидентификации, чувство единства со своими соплеменниками, стремление к общению с ними и т. д.

Тем не менее, этническое самосохранение немецкого населения в России, не говоря уже о прочих странах СНГ, и сегодня ни в коей мере не может считаться обеспеченным. Это означает, что программные цели нашего движения реализованы, в лучшем случае, частично.

Естественный вопрос о причинах этой серьезной неудачи давно привлекает внимание и наших активистов, бывших и нынешних, и остальных российских немцев, и недругов нашего движения. Не буду останавливаться на внешних (объективных) причинах – они достаточно хорошо известны. Гораздо полезнее, на мой взгляд, заострить внимание на внутренних (субъективных) причинах наших неудач.

Основные промахи движения. Этот вопрос особенно часто интерпретируется неверно. Пожалуй, наиболее распространенное заблуждение – поиски ответа на него в недостаточном, по мнению критиков, единстве среди российских немцев, а также в нашем неумении (если не нежелании) наладить конструктивное взаимодействие с местным руководством и населением Поволжья.

В действительности, как я уже упоминал, мы достигли очень высокой степени единства целей, а частично и действий, имеющей немного аналогов среди других современных общественно-политических и национальных движений в СССР (СНГ).

Однако полного единства у нас, конечно, не было, да и быть не могло – не только потому, что это явление вообще не характерно для общественной жизни. Дело еще и в

том, что единству российских немцев всеми силами противодействовала оппозиция, существовавшая в нашем движении и особенно вокруг него. Оппозиция крайне малочисленная, но, тем не менее, весьма влиятельная – отчасти из-за присутствия в ее составе представителей „национальной“ номенклатуры, но главным образом ввиду активной поддержки государством, которое приняло в формировании этой оппозиции самое непосредственное участие (чему имеется достаточно документальных подтверждений). Позиция госструктур была предельно ясна – единство в среде российских немцев никоим образом не входило в планы ни властей СССР (стран СНГ), ни даже властей Германии.

Далее, нам до сих пор пеняют, что в рассматриваемый период мы, якобы, упустили прекрасный шанс, не согласившись с предложением саратовских властей о преобразовании Саратовской области в Саратовский край, с созданием в его составе Немецкой автономной области. Между тем, в книге „Прощальный взлет“ я уже отмечал, что на деле речь шла о чисто аппаратном проекте, заведомо неприемлемом для российских немцев, а потому практически так и оставшемся в аппаратных недрах и не доведенном ни до широких слоев нашего народа, ни хотя бы до заинтересованного круга активистов немецкого национального движения.

Точно так же нам вновь и вновь ставят в вину нашу мнимую нетерпимость в отношении нынешнего населения Поволжья и так называемых „антиавтономистов“, претендовавших на представление его интересов. В свое время только саратовские партаппаратчики и сами направляемые ими „антиавтономисты“ позволяли себе лицемерно утверждать, что тогдашнее антинемецкое движение на Волге было направлено, якобы, не против российских немцев, а „всего лишь“ против восстановления нашей автономии в тех краях. Сегодня попытки, так сказать, посмертно реабилитировать поволжских „антиавтономистов“ образца 80-90-х гг. исходят уже от историков.

Эти люди пытаются делать вид, будто совершенно не помнят тогдашние „антиавтономистские“ призывы: „Лучше СПИД, чем немцы“, „Не отдали Волгу в 41-м – не отдадим и в 91-м“ и т. п. Напрочь „забыты“ некоторыми историками и массовые митинги в Поволжье под откровенно антинемецкими лозунгами, и частые подстрекательские выступления „антиавтономистских“ вожаков (в т. ч. на наших национальных форумах), лейтмотивом которых были одни и те же лживые идейки: дескать, немцы Поволжья всегда относились к своим соседям враждебно; немецкая автономия в регионе была создана искусственно, под нажимом Германии в условиях Брестского мира; в АССР НП ненемецкое население подвергалось постоянной дискриминации и т. д.

Итак, „передовая наука“ предлагает нам, видевшим все это собственными глазами, довериться не нашей памяти, а пыльным бумажкам, счастливо сохранившимся в саратовских архивах, где „антиавтономисты“, якобы, предстают не „политическими“ хулиганами, а идейными борцами. У меня нет никакого желания комментировать весь этот вздор. В „Прощальном взлете“ я уже описал и реальных (а не бумажных) „антиавтономистов“, и подлинное отношение нашего движения к нынешнему населению Поволжья.

По прошествии лет я все больше убеждаюсь, что наши главные промахи лежали вовсе не в перечисленных мною сферах, а в отношениях с германской стороной, которой принадлежала и принадлежит *определяющая* роль в решении проблем российских немцев.

Особенно плохими наши отношения были в 1992 г. В результате мы практически не повлияли как на процесс подготовки тогдашнего Межправительственного соглашения по нашим проблемам, так и на его содержание. Между тем, то и другое во многом шло вразрез с интересами не только российских немцев, но и самой Германии. Германское руководство, которое за этим стояло, в итоге серьезно дискредитировало себя в глазах нашего народа, а частично и среди общественности Германии. Мало что изменилось в

этом смысле и в 1993 г., когда наши отношения с германской стороной заметно улучшились.

Разумеется, отношения национального движения российских немцев с правительством Германии зависели не только от нас, но ряд причин неблагополучия в этой сфере лежит и на нашей стороне. Основными из них я считаю следующие:

- недостаточный политический опыт большинства лидеров нашего движения;
- крайне слабое знание ими Германии и немецкого языка;
- определенное предубеждение в отношении Германии, которое передавалось у российских немцев из поколения в поколение.

Виктор Дизендорф
Июль 2009 г.